

Катерина Шпиллер

12+

Мама, не читай!

Исповедь "неблагодарной" дочери

Катерина Шпиллер

Мама, не читай!

«Автор»

2009

Шпиллер К.

Мама, не читай! / К. Шпиллер — «Автор», 2009

Знаменитая книга, расколовшая русскоязычное общество на два непримиримых лагеря. Предметом раздора стал ответ на вопрос, можно ли выносить сор из избы. Дочь откровенно рассказала о своей жизни с матерью, которая ее не любила, но скрывала свое отношение от посторонних людей. Книга впервые была опубликована в 2010 г. и выдержала несколько изданий.

© Шпиллер К., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Предисловие	6
А мне с ними?	19
Записки нездоровой женщины	24
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Посвящаю моей любимой мамочке, писательнице Галине Щербаковой. Той единственной, той самой прекрасной, лучшей женщине на всём белом свете, которую мне посчастливилось назвать мамой и которую я потеряла... Которой больше нет. Она жива: ходит, дышит, пишет, говорит. Но её нет. И не будет уже никогда.

Предисловие

Книгу я написала почти за год до кончины матери – известной писательницы Галины Щербаковой и впервые опубликовала в Интернете ещё при её жизни. Насколько мне известно, мама так и не прочитала её. В общем-то, исполнив моё пожелание, вынесенное в название. Для кого же эта книга? Наверное, для когда-то близких мне людей, ставших совсем чужими. А ещё для тех, кто был «обожжён» нелюбовью и непониманием родителей и воспринимал или до сих пор воспринимает жизнь как муку, как наказание, часто задумываясь об избавлении от страданий вместе с самой жизнью. И для тех, кто хочет, чтобы их дети были счастливыми, а не «тянули лямку жизни». Мамы больше нет. Но у меня её не было уже давно. Поэтому боль от утраты некогда самого дорогого мне человека возникла гораздо раньше её физической кончины, а боль от маминых поступков растянулась на долгие-долгие годы и не утихла до сих пор. Поэтому нет точного дня, про который я могла бы сказать: сегодня я потеряла маму...

(Недоброжелателям – не утруждайте себя банальностью: «Дочка! Не пиши...». Может, это и остроумно, но уже не ваше. Кстати, писать я больше не собираюсь. Я – не писатель.)

Некоторые имена персонажей (не главных) изменены

Мама – первое слово, главное слово в нашей судьбе.

Мама мир подарила, жизнь подарила мне и тебе.

Так бывает – если случится вдруг

В доме вашем горе-беда,

Мама – самый лучший, надёжный друг –

Будет с вами рядом всегда.

Песня из кинофильма «Мама»

...Я очень ценю тепло отношений

В эпоху большой нелюбви.

А. Макаревич

Я – её дочь

Откуда-то снизу, из своей детской реальности, из которой на любую взрослую жизнь нужно заирать голову (иногда бывает так неудобно!), я радостно ловлю полуулыбку её тонюсеньких губ, как обычно тронутых оранжевой (морковной) помадой. О, я знаю эту полуулыбку довольства и гордости за своего ребёнка! Мне удалось порадовать мамочку, ведь я хорошо прочитала стишок, главный стишок на детсадовском празднике. Воспиташка говорит маме какие-то приятные слова обо мне, и вот я вижу эту улыбку. Всё, больше мне ничего в жизни не надо! Мамочка держит меня за руку, и я прямо чувствую её поощрительное пожатие. И ещё я легко предугадываю слова, которые она мне скажет буквально минут через десять, когда мы будем идти домой. Она скажет: "По-другому и быть не могло: ты же МОЯ дочь, а, значит, – самая лучшая". Именно это она и скажет через десять минут...

Даже моя ручонка в её ладони может быть предметом маминой гордости, признаком её особенного статуса в этом мире, а также знаком моей приобщённости, почти посвящённости в

мамино высокое, королевское пространство, куда не каждому дано даже краешком глаза глянуть. Слишком высоко и недоступно для обычного, рядового человека.

– Приезжали к нам недавно племяшки мужа, погодки, – рассказывает мама кому-то оживлённо. – Они сейчас в дошкольном возрасте. Ну, я же помню Катьку в это время... И вот перевожу я их через дорогу к зоопарку, держу, естественно, крепко за ручки... И что же? Как куриные лапки у меня в ладонях: ни мяса, ни жирка, одни косточки мягкие, ужас! То ли дело у Катьки были ручки: держишь и чувствуешь – РУКА, пальчики такие крепенькие! А там – недоразумение какое-то...

И хотя мне уже почти десять лет, я с уважением и нежностью разглядываю свои пальчики и ладошки: молодцы, не подвели! Мамочка была так рада и горда за вас.

Интересно, это нормально – понять только в сорок лет, что есть всё-таки настоящая любовь? Банальность какая получается... И тем не менее... Идеальных людей нет и быть не может. А что же такое идеал? Ещё один трюизм: для всякого свой идеал, свой Настоящий мужчина или Настоящая женщина. Нет, не так... Есть вещи, бесспорно, противные: разбросанные по комнате грязные носки, к примеру, какой такой широкой душе понравятся? Или вечно капающее изо рта повидло за вечерним чаем... Красивые же, аккуратные, умные, чистоплотные, белые и пушистые нравятся всем. А вот любовь, оказывается... Любовь, оказывается, может научить прощать даже капельки капнувшего повидла, умилиться им, и не то, что ТЕРПЕТЬ, а полюбить за это ещё сильнее. Вот...

Но даже не это главное. Удивительное такое открытие в себе: дикая боязнь ЕГО боли (физической или душевной), во сто крат превышающая нормальный человеческий страх боли собственной. Вот чего я от себя не ожидала... Ах, да, конечно, – дочь, доченька, дочурёнок. Разумеется, её боль – это физическая мука для меня. Но если речь идёт о роднёнке, чувство ужаса перед его болью естественно, как дыхание или чихание, оно укладывается в инстинкт продолжения рода, иначе природа и не мыслила, когда лепила нас бог знает из какого сора. Но мы же о другом... Собственно, о чём мы, зачем, к чему? Ах, да...

Никогда ты, мамочка моя родная, теперь не узнаешь про меня вот такие удивительные вещи, никогда я не расскажу тебе об этом чуде, что случилось со мной так, возможно, поздно. И не спрошу я у тебя: скажи правду, мам, у тебя такое есть? Было? Или всё неправда?

Да я просто и не знала, что такое любовь. Даже не подозревала. Смотрю, касаюсь руки, трюсь щекой о его чуть колючую щёку, вдыхаю его аромат, утыкаюсь носом в ямку плеча; люблюсь каждый день, не могу надышаться; мир полон красоты и прекрасных звуков, я вижу его очарование, все птицы вдруг запели и – смотрите! – они же все парами! Они тоже любят!

– Как жаль, как жаль, – шепчу я, прижимая родную ладонь к своей щеке, – как жаль, что так поздно, что столько потеряно лет...

– Дурочка ты моя! – нежно говорит он, лаская пальцами моё лицо. – Какое счастье, что мы всё-таки нашли друг друга. Разве каждому достаётся подобное счастье? Разве всем дано понять, почувствовать настоящую любовь?

Я плачу от счастья, от невозможности поверить, что всё это происходит на самом деле и со мной...

Мама, не ты ли всегда воспевала в своих повестях и романах подобные чувства?

"Жила-была девочка – сама виновата"

Отношения мамы и папы были для меня «терра инкогнита» всё детство, впрочем, тогда я не очень об этом задумывалась. Просто не всегда всё понимала. Большую часть вывалившихся скелетов из их шкафов я обнаружила уже в сильно взрослом состоянии и, лишь занявшись вплотную анатомией и изучением косточек, сумела многое обдумать и проанализировать. Мда... Всё стало гораздо понятней. Но это – не моя жизнь и не мои тайны, хотя по башке меня эти берцовые кости «мадридских» секретов тоже шарахнули будь здоров! Хотя уж я-то, видит бог,

совершенно была ни при чем в силу отсутствия присутствия в этом мире в момент зарождения и развития их отношений. Ну, а когда я родилась, и пошел новый отсчёт жизни нашей семьи, вот с этого самого дня моего рождения ответственность полностью легла на новорожденные плечики. Потому что надо было думать, чёрт подери, какой рождаться, когда рождаться и зачем это делать! Надо было стараться соответствовать... Как остроумно кто-то подметил "Жила-была девочка – сама виновата". Так это про меня.

Моя мама заслуживала другой дочери, я всё испортила в её жизни. Разве я должна была получиться такой? Конечно, это какая-то ошибка, генетический сбой, неправильно вставшие звезды. Ведь мамуля рассказывала, как они с папой все ловко высчитали еще до моего появления! К примеру, в тот год, на который я была запланирована, случился сильный спад рождаемости в СССР, и мама с папой справедливо решили, что их ребёночку будет намного проще поступить в институт из-за небольшого конкурса. Спустя 17 лет я их страшно разочаровала... Впрочем, чего греха таить, разочаровывать маму и папу я начала намного раньше, возможно, почти сразу после рождения.

Уж маму-то точно. Я, насколько мне известно, практически выдрала её немилосердно из удачно складывавшейся карьеры – просто фактом своего рождения. А потом моего отца стали посылать в далёкие командировки. Мало того, что Я родилась, так ещё и вынудила маму торчать с собой в печальном одиночестве, пока карьеру делал МОЙ папа.

У мамы случилась по этому поводу депрессия, как она сама говорит. Верю. Жалею. Виновата. Было за что меня невзлюбить.

Хотя ведь у меня ещё имеется брат. Старший. От маминого первого мужа. От которого она ушла к моему отцу. Там была история некрасивая: измены, кляузы, месткомы-парткомы, суд, разбирательства... Впрочем, опять таки – не моя жизнь, не мои тайны.

Итак, когда я родилась, у меня был восьмилетний брат. Я его, конечно, сильно полюбила с самого детства, как себя помню... А он меня – нет. И совершенно понятно любому ослику, почему: у мальчика появился отчим, потом появляется на фиг ненужная ему сестра. Мама обожала своего первенца и, вполне возможно, он боялся потерять это мамино обожание. А мама боялась его страха, его огорчений, его слёз, что опять-таки вполне естественно. Мама дала себе слово: её сынок никогда и ни в чём не почувствует себя ущемлённым! Любой ценой он будет счастлив и храним её любовью. Любой ценой...

К примеру, мама запретила моему отцу применять хоть какие-нибудь воспитательные меры к Саше. Как бы сильно я не напрягалась, у меня не получается вспомнить ни одного раза, когда бы Сашку от души ругали, даже если было за что. Мама рассказывала мне:

– Однажды, когда ты ещё не родилась, твой папа за что-то повысил на Сашку голос, и я сказала: ещё хоть раз посмеешь крикнуть на моего сына, больше никогда не увидишь ни его, ни меня. С тех пор он не смел.

Я слушала маму, замирая от восхищения перед силой её духа и любовью к сыну. Вокруг было всегда столько баб, готовых ради ничтожного мужика, ради штанов рядом со своей юбкой просто таки передуть своих детей. Поэтому мамина великая Материнская Любовь представлялась мне почти героизмом. Очевидно, что моя мама самая особенная!

Сколько ни силюсь, не могу вспомнить Сашкиного взгляда, направленного на меня. Его глаза смотрели всегда куда-то мимо, в сторону, вдаль. Он почти никогда на меня не смотрел. Не хотел. Не интересовала я его ни с какой стороны. Даже, пожалуй, больше того: я его дико раздражала. "Заткнись, дура!", "Пошла ты, дура!" – вот, в основном, и всё, что я слышала от братика. И затрещины по башке тоже бывали, иногда весьма чувствительные. Очевидно, что я была о-о-очень противным ребёнком, мерзкой девчонкой, кошмарно действующей на нервы взрослому мальчику. Мы жили в одной комнате, и, конечно же, я ему мешала. Путалась все время под ногами, нудила вопросы. В общем, не получилось у нас с братом ни любви, ни дружбы.

Он рано стал готовиться в медики, и поэтому время от времени я служила ему живым пособием по анатомии (к счастью, до физиологии дело не дошло). Так продолжалось лет пять по ночам, пока он не окончил первый курс и, по-видимому, не сдал экзамен по этому предмету. Я страшно боялась его, и мне было стыдно, поэтому я ничего не рассказывала маме с папой.

Сейчас я не знаю ни где брат, ни что с ним. Последнее, что я о нём некогда слышала, так это, что он окончательно спился, стал законченным алкашом. Хотя помню, Сашка лихо выпивал уже смолоду... Впервые его совершенно никакого притащили домой друзья, когда ему едва исполнилось 18. Потом это периодически повторялось. А лет через 10 в нашей жизни довольно-таки устойчиво прописалось слово «вытрезвитель»... Ну, это его судьба, его проблемы – меня давно ничто в его жизни не касается. И, кстати, моя любовь к нему прошла, как и не было вовсе. Оказывается, и так бывает.

А мама, наверное, поощрала Сашку в детстве в этом его отношении ко мне... Почему я так думаю? Ну, она ни разу на моей памяти не пыталась нас... связать как-то, сблизить что ли... Видимо, мудро чувствовала, что это невозможно и не стóит лишний раз нажимать Сашке на больную точку, имя которой – ненужная сестра от нового мужа мамы. Не его папы.

Обожал ли Сашка маму так, как я? Думаю, да. По-другому было невозможно. Она на самом деле была достойна нашего детского восхищения и даже преклонения. Брат тоже всегда знал, что она – особенная, не такая как все прочие тривиальные, примитивные мамы. Я, когда подросла, поняла, что их любовь была взаимной, настоящей. Понятное дело, он был куда лучше меня: красивый, умный, учился в английской школе. Мамочка им гордилась.

Одна из семейных баек, которую любил рассказывать Сашка:

– Батюшка (так брат называл моего папу) спросил меня: кого ты хочешь – братика или сестричку? Я ответил: собаку. Ну, я её и получил!

Все смеются. Я тоже, ведь взаправду смешно и весело. Рассказывалось это безо всякой злости и ненависти. Напротив, можно было подумать, что он таки получил, как Малыш из сказки Линдгрэн, милого пушистого друга... В том смысле, что очень был рад. Приятнее думать так. Так я и старалась думать в детстве. Не всегда, правда, получалось... Как и что думал Сашка всё своё и моё детство, одному богу известно. Для меня он был вечно неприветливый, сердитый (на меня?) мальчишка, которого я почему-то любила. Очень любила...

Итак, появилась я на свет некстати и для брата, и для мамы. Некстати и не в радость. *Явилась миру Катя совсем-совсем некстати...* Господи, да кто ж это я такая, чтобы миру «являться»? *Явилась маме Катя совсем-совсем некстати. ...И вот родилась Катя для общества некстати... Для близких всех некстати живет зачем-то Катя...* Гм, я так могу до бесконечности.

Пить много, как у Ремарка

Мама с папой всегда очень даже не дураки были выпить... Нет, не в одиночку и не без повода, а с гостями или в гостях (с годами, правда, уже и просто так в привычку вошло стопочку-другую водочки тяпнуть за обедом). А гости в прежние времена случались в нашей жизни частенько, тогда ещё у родителей было много друзей... Развесёлые журналистские компашки, на две трети состоявшие из провинциалов, чудом-юдом пробившихся на работу в столицу. Все они мнили себя как минимум Хемингуэями, Ремарками и кем-то ещё. А, значит, пить много было положено, ибо именно так персонажи этих кумиров нашей «образованщины» и поступали в своих произведениях, причём пили эти романтические герои постоянно и красиво (правда, почему-то не напиваясь при этом в пороссячий визг, а вполне сохраняя человеческий облик – но это апропо). А у нас ещё приплюсовывалась старинная русская традиция... В результате посиделок всё получалось совершенно по-русски, но почему-то не по-ремарковски. Правда, без мордобоев (интеллигенция как-никак). Но с песнями. «Тополя-а-а-а! Тополя-а-а-а! Беспokoйной весной вы шумите листвою...» Растрёпанные, сильно нетрезвые женщины со

съехавшей набок помадой, растрёпанные, нетрезвые мужчины со съехавшими набок галстуками... Они мне не нравились. Но ужас был в том, что мне не нравились такими и мамочка с папочкой. Я старалась на них в таком состоянии смотреть поменьше. А вот Сашка, ещё мальчишкой, очевидно насмотревшись на всё это до тошноты, однажды задумал решить вопрос пьянства в нашей семье кардинально.

Мы в очередной раз ждали гостей, родители ушли за чем-то в магазин. Сашка достал из холодильника ожидавшуюся своего часа бутылку водки, открыл её чуть ли не зубами и помчался в туалет. Я – за ним. Там он вылил жидкость из бутылки в унитаз.

– Саш, а тебя не будут ругать? – испуганно спросила пятилетняя я.

– А пусть не пьют! – мрачно ответил брат.

Что было потом, я, честно сказать, не помню...

Интересно, а его дети не пробовали сливать спиртное в унитаз, когда он спивался? И в какой момент юный борец за трезвость сломался? В 18 лет? Или позже, когда женился? Или это всё были этапы большого пути, шаг за шагом, и процесс превращения шёл медленно, но поступательно, твёрдо и неуклонно?

Моя дочь ни разу в жизни не видела меня пьяной. Потому что я не пью: не могу (болит голова, тошнит), да и не хочу. А вот бабушку свою дочь видела нетрезвой неоднократно и была в страшном недоумении:

– Ма, а что это с бабулей происходит? Почему она начинает так много материться? А что она ко мне с дурацкими вопросами пристаёт?

– С какими вопросами?

Дочь передразнивает бабушкину пьяную речь: «Дуня, ты, когда первый раз поцелуешься или там будешь с мальчиком, ты же мне обо всём расскажешь подробненько, правда?»

Боже! Я закрыла покрасневшее лицо руками, чтобы не показать дочери стыда.

– Бабуля слишком много выпила, не обращай внимания, это всё ерунда, – пробубнила я из-под ладоней.

Потом дочка часто смеялась и говорила: «Бабулька опять назюзюкалась, матерится и лезет с тупостями. Умора! И гадость вообще-то...»

Последний пьяный выход мамы на глазах моей дочери случился, когда они (уже без меня) праздновали её 18-летие. По рассказу дочери, бабуля, уже прилично раскачиваясь из стороны в сторону, произнесла короткий, малочленораздельный монолог:

– Вот... уже 18... Время потери девственности... Гос-с-споди, какое это прекрасное время! Самая дивная ночь на свете – первая ночь с мальчиком...

За столом были ещё люди, кроме моего отца и дочери, которой, по её словам, очень сильно захотелось залезть под стол или убежать на край света.

Мой любимый... Он совершенно непьющий, как и я. Сидя в Риме в ресторанчике, мы с ним медленно потягивали из бокалов знаменитое итальянское сухое, наслаждаясь друг другом, видами вечного города, тонким ароматом вина и сытным обедом. Вот, примерно, к такому «питию» всегда сводятся наши редкие посиделки со спиртным. Кроме того, как правило, один из нас – за рулём. Но это – двадцать пятая причина нашей трезвости. Мы просто оба не любим состояние опьянения, оно нам противно, и если со стороны на это смотреть, и «внутри себя». Впрочем, пьянчуг в его семье никогда не было, а у меня зато – стойкий иммунитет в результате мощной прививки в детстве. Так-то...

Какое-то время у нас была привычка по воскресеньям играть вчетвером в покер или в слова. Мамочка, папуля, Сашка и я. И бывало очень весело! Играли по несколько часов, хохотали, шутили... Однажды в один очень хороший момент Сашка вдруг сказал с такой улыбкой, какой я ни до, ни после у него больше не видела – нежной, мягкой:

– А всё-таки у нас хорошая семья, правда... – с неопределенной какой-то интонацией в конце фразы. У кого он это спросил... Или он не спрашивал, а утверждал? Почему он ТАК

спросил? Хотя мне было всего-то лет девять, меня почему-то обеспокоил этот вопрос, чуточку так обеспокоил, будто вдруг несильно врезался в кожу шеи крючок от застёжки платья.

Не помню, ответили ему что-нибудь или нет, ничего больше не помню, а вот его слова и выражение лица запомнила. Забыть не могу.

Я не Кармен

Да, но вернемся к моим правильным ручкам, пальчикам, а также к мамочкиным надеждам на меня. Когда мне было пять лет родители, как сейчас помню, в кредит, ибо очень было дорого (пятьсот рублей!), купили пианино. Чтобы меня учить. Наверное, всякий родитель, покупая инструмент, надеется, что у него растёт Моцарт. Впрочем, для этого нужно иметь ну хоть какие-то основания. Я пела? Как все девочки. Танцевала? Ну, может, любила это дело больше других. Но при чём здесь пианино?

– У нас в доме было пианино, и меня учили, – объяснила мамочка, и вопросов больше никто не задавал, тем более я: раз так растили мою ТАКУЮ маму, значит, это единственно правильный метод воспитания.

Естественно, я сразу начала долбить что-то по клавишам и, естественно, некто (убей, не помню, кто) научил меня выдалбливать на инструменте «Собачий вальс» – а что же ещё? А через короткое время мамочке пришлось в голову показать меня вот так сразу в ЦМШ (Центральную музыкальную школу) – весьма престижное тогда заведение для деток, но не для всех, а только самых одарённых. Для этого и устраивали просмотр.

Папа меня туда повёл. Тогда мне ещё не было страшно, тогда я ещё не боялась всего и всех. Ну, коридор какой-то длинный, ну, много малышни и родителей... Время от времени кого-нибудь из детей выкликают в специальную комнату, где стоит рояль. Честно сказать, плохо помню всё до тонкостей... Какие уж там тонкости!

Вызвали меня, спросили, умею ли я играть. Я ответила честно: да! Сыграй – попросили. Ну, я и сыграла им, как могла, «Собачий вальс». Занавес...

А могло ли быть по-другому? Разве меня готовили и учили чему-нибудь? Разве я вообще соображала, где я и что происходит? Но я всё-всё понимаю! Мама была убеждена, что у меня должен быть ДАР. Что от меня все должны АХНУТЬ. Что я – самородок, который нельзя не заметить. Ведь я – ЕЁ дочь.

Может быть, это и было её первым разочарованием во мне? Не знаю. Бедная мамочка... Как, должно быть, она тогда переживала. Ведь примерно в то же время меня не взяли в балет. То есть не то чтобы не взяли, но старенькая балерина из самого Большого театра, к которой меня привёл папа, покрутив мне ноги в разные стороны, сказала так:

– Гибкая девочка, способная, но ступни... У нее же плоскостопие, она не сможет сделать карьеру в балете. Никогда.

По той же причине мне было отказано в фигурном катании. Несчастливая мамочка! Она всё искала и искала, где именно блеснёт ее дочь, в какой области человеческих талантов ЕЁ дочь прогремит так, что услышат все. ВСЕ! А никак не складывалось.

Почему-то мамочку не так уж радовало, что в детском саду я всегда ведущая всех концертов, главная, Снегурочка и так далее. На это она, пожимая плечами, говорила так:

– Это естественно, нормально, я тоже такая была, по-другому и быть не могло, – и грустно вздыхала. Да, это всё полная ерунда, конечно, этого мало, это – ничто. Я понимала, понимала и уже переживала потихоньку... Но мамочка вдруг обнимала меня, прижимала к себе со словами: «Силибоночка ты моя трататанская!», и я захлебывалась в её таком родном запахе, умирая от счастья, что именно она моя мама, что мне несказанно повезло, незаслуженно повезло. Я была самой счастливой девочкой на планете в такие минуты. Хотя угрызения совести уже просыпались. Очень постепенно, но поднимало голову чувство вины: я – не Моцарт, у меня плоскостопие... Мамочка огорчается.

По маминым словам, она всегда и везде была первой: в школе, к примеру, – лучшая ученица. Ей всё давалось легко и просто: и литература, и математика, и физика. Простой вопрос, почему же ни разу в жизни, начиная с четвёртого класса, мама не смогла мне помочь ни в одной точной науке, долго не приходил в мою тупую башку. Позже, разумеется, пришёл и вопрос, и ответ на него. Позже...

Не помню, чтобы я когда-нибудь имела заблуждения по поводу собственной внешности. С самого детства зеркало меня не очень-то радовало. Вернее, не радовало оно меня с того момента, когда я стала осознавать себя девочкой и придирчиво присматриваться к собственным чертам и прелестям. Никаких радующих самолюбие черт, а тем более – прелестей в упор не было видно. Возможно, именно поэтому из всех зазеркалий на меня угрюмо смотрела исподлобья несимпатичная, блеклая девочка с плохими волосиками и дурацким кривоватым ртом. Сколько раз мне говорила мамочка: «Ты – красивая, а уж когда вырастешь, совсем станешь очаровашкой!», а я не верила. Во-первых, потому что ничто этого не подтверждало. А во-вторых, у меня, к сожалению, очень рано зачем-то прорезалось и выросло в полный могучий рост клятое критическое мышление и страсть к сопоставлению фактов и сравнениям. (Когда эта дрянь вырастает в мозгу, как киста какая-то, от неё уже фиг избавишься, никакая операция не поможет. Впрочем, трепанацию черепа я пока не пробовала, а надо бы). Так вот: я всегда держала в голове мамины рассказы про то, как она была самой-самой красивой девочкой в классе, в школе, среди всех подружек, как из-за неё с детства кипели всякие бразильские страсти в их маленьком шахтерском посёлке, как постоянно и хронически в неё был кто-нибудь влюблен, а нередко даже сразу двое-трое. А уж когда она совсем подросла, то просто стала Кармен местного значения... Вот про «местное значение» я уже сейчас от себя прибавила, а тогда получалось, что просто Кармен, вселенская такая.

Как же мне, заурядной девочке в огромной Москве, среди столичных красоток из благополучных семей (читай – хорошо одетых и ухоженных) было с ними тягаться? Но мамочка тогда не могла (не хотела?) этого понять, и нередко я ловила на себе её сожалеющий и жалеющий взгляд: нет, не унаследовала доча её красоты, яркости, умения быть самой-самой!

Кстати, именно где-то тут рядышком и живёт ответ на вопрос о маминой «непомощи» мне в школьных предметах. Чего мама упорно не желала никогда понимать, так это различия между провинцией и столицей. Заштатный шахтёрский посёлок на окраине Украины. Школьная программа 30-х-40-х. Возможно, я тоже там была бы первой девкой на деревне, не очень-то это сложно. Но Москва, дорогие мои, это совсем другая история. Да к тому ж – 70-е, а уже давно каждому известно, что в те годы школьная программа была переусложнена до невозможности (даже песня популярная тогда была на эту тему). Так что, милая мамочка, твои знания по математике-физике заканчивались примерно на уровне моего четвёртого класса. Надо ли иметь очень высокий IQ, чтобы понять это? Не думаю.

Трудно сказать, кого она больше уговаривала-утешала своими нежными речами про мою красоту и будущую «очаровашность» – меня или себя? Ей было горько и грустно. У её девочки – ни красоты, ни талантов. А так быть не должно, не может! Учитывая постоянный минорный фон маминого настроения (эта всегда была её суть, фундамент её характера, основа и принцип самого её существования – минор и страдание), я только могу с ужасом догадываться, как густо, щедро я добавляла в этот «страдательный» замес надрыва, печали, боли.

Московская замарашка

Но у меня ну никак не получалось быть самой привлекательной девочкой! Мамочка рассказывала, что в её детстве-юности, в шахтерском поселке, а потом и в Ростовском университете, где она училась (лучше всех, естественно!), она, в своих перелицованных юбках всегда пучками и снопами собирала восхищённые взгляды парней и завистливые – девиц. У меня этот номер не проходил. Хотя юбки, которые были в моём гардеробе (боже, какое неподходя-

щее слово для пары полочек в разваливающемся шкафу, где помещалось моё тряпье!), вполне годились на звание «недоперелицованных».

– Женщина интересна не юбкой, – учила мамочка, максимально округляя свои и без того огромные черные глазищи. – Настоящая женщина прекрасна в любом тряпье.

Я была в «тряпье», но не прекрасна. Возможно, потому, что в Москве в 70-е для многих девочек родители уже что-то «доставали» из одежды, уже протаптывали дорожку к спекулянтам, дабы хоть как-нибудь в уродливую эпоху совка и повальной серости нарядить своих дочек. Они, эти «мещане» и «недоразвитые люди», понимали, что для девочки – это не блажь, а самая настоящая необходимость, чтобы выжить и преуспеть.

Мои родители презирали подобное.

– Какая гадость! Обращаться к каким-то жуликам да и платить за это безумные деньги! Стыдно, мерзко. И к тому же мы разве деньги на мясорубке, что ли, делаем? – мамочка очень сильно гневалась на мои робкие попытки заикнуться о какой-то более-менее приличной, не стыдной одежде. В общем, одевали меня исключительно «из магазина напротив». Можно себе представить... Кстати, так и непонятным для меня остался сей момент: родители моих подруг тоже не печатали деньги на станке, не работали в торговле и не были королевских кровей. Почему же их дочери, в отличие от меня, были более-менее прилично одеты?

Апофеозом маразма был случай, когда мне передали, как девочка из не самой благополучной семьи, троечница и вообще «не нашего круга», сказала обо мне:

– Вот странно! Вроде у девки нормальные родители, не чмо какое-нибудь, а одевают дочь, как чучело. Что они ей приличных шмоток купить не могут?

Это, наверное, забавно, но в ту секунду я, прежде всего, оскорбилась за родителей, за мамочку: надо же настолько быть неразвитой, чтобы не понимать высокие духовные устремления и сверхвысокую мораль моей семьи, обвинять мою маму черт те в чём, за пустяками не видя главного. Впрочем, тогда уже мамочка была известным человеком, и та девочка по-своему, по-мещански понимала: известность не могла не приносить денег, так почему же дочь-отличница известной мамы одета как дочь-двоечница последней нищенки?

Мой любимый, родной человек поначалу нередко обижал меня: говорил, что я не могу, не умею одеваться. Не умею выбирать вещи в магазинах. Я плакала, мне было ужасно обидно. Да, у меня не развит вкус, да, у меня абсолютно неверные представления о собственной фигуре, о том, что мне идёт, а что – нет. Меня, к сожалению, никто никогда этому не учил, не показывал пример, а самостоятельно справиться с этой задачей я не смогла.

– Ты выбираешь одежду, как маскировку! – сердился он. – Хочешь спрятаться за бесформенные тряпки – и это при твоей-то фигуре!

– Именно! При моей! – сквозь стиснутые зубы, чтобы не разрыдаться, бубню я. – Мне надо прятать бёдра...

– Уймись! – он уже почти кричит. – У тебя потрясающая фигура! Тебе дурь надо прятать!

Я реву. Поначалу все наши с ним походы по таким магазинам как «Галери Лафайет» в Париже или «Хэрродс» в Лондоне закачивались ссорами. Я возненавидела магазины, примерки, покупки. Постепенно всё наладилось, конечно, я теперь отнюдь не чучело, одета достойно и не стыжусь своего внешнего вида. Надо было дожить до сорока лет...

– Да-а, тяжёлое у тебя было детство, нищее, – смеётся он. Теперь я тоже смеюсь вместе с ним. Хотя боль в душе, как затянувшийся шрам, саднит: ни девочкой, ни девушкой я ни разу не почувствовала себя уверенной и красивой в своём позорном тряпье. Я даже понятия не имела, как это – быть элегантной и уметь выразить себя с помощью одежды. И украшений у меня никогда не было... До второго замужества – дешёвая деревянная, пластиковая, в самом крайнем случае серебряная бижутерия. Никаких понятий, никакого представления о том, что и как должна носить женщина в моём возрасте. А откуда бы взялось? У мамы до старости –

ни колечка, ни цепочечки, НИ-ЧЕ-ГО. Никогда папа ей не дарил никаких украшений. Естественно, ни разу в жизни мой папа ничего подобного не подарил и мне. Мой первый муж... Ну, тут вообще разговор неуместен: достаточно было посмотреть на его бедную мамашу. У безлошадных крестьян никогда не было принято хоть как-то украшать женщин. Какие же могут быть претензии?

Музыкальное наказание и прочие кары

Да-да, я очень хорошо училась, особенно в начальной школе. Скажем честно: училась лучше всех, и давалось мне это весьма легко. Меня воспитывали правильно, не хваля за это и никак не поощряя: ведь это естественно, я же ИХ дочь. Вот и мамочка в своём шахтёрском поселке была лучше всех, и папуля на своем Урале в школе, директором которой был его отец, – тоже. Так что, эка невидаль: дочь – круглая отличница. Ну и что, что при этом она ещё ходит в музыкальную школу? Да, в музыкалку меня всё-таки отдали, правда, в самую обычную – для любых детей, даже для тех, у кого ни слуха, ни голоса, а только ненависть к классической музыке. Но ко мне это не относилось – меня и там хвалили, у меня был хороший слух и вполне сильные пальчики с нужной ладошкой – на уровень «домашнего музицирования» я вполне тянула. Пианино дома плесенью не покрывалось, занималась я каждый день. Ну и что? В этом всё равно не было ничего особенного, это я прекрасно сознавала, это мне очень хорошо объяснили с самого начала.

Во время войны, когда маленькая будущая моя мама с семьей были в оккупации, она пропустила один год учёбы, кажется, третий класс. Когда Украину освободили от фашистов, мама легко сдала всю программу пропущенного года и сразу пошла в четвёртый. Это же потрясающе! Я воспринимала мамочку как светоч ума и интеллекта, восхищалась и не понимала, как могут помещаться столь великий ум, такие дары и таланты в женщине, которая родила... всего лишь меня. (То есть, конечно, существовал ещё и брат, и, как я понимала, он был значительно ближе к небесам, с которых к нам, ничтожным, спустилась моя прекрасная мамочка). Но получить в качестве дочери МЕНЯ, меня, не способную и на сотую долю её достижений... Ай-ай-ай! А ведь до настоящей мамочкиной славы, до понимания всеми без исключения, кто есть эта женщина, ещё было далеко.

Мамочка не ходила на работу, она была дома, но всё время работала: писала, писала, писала... Я не знала, что именно, но ни секунды не сомневалась, что нечто особенное, необыкновенное. Я видела: мама – труженица великая, а уж ум и дарование её проявлялись во всем, в каждой мелочи. Именно во всём – в быту, в общении, в воспитании – она была абсолютной противоположностью всем виденным мною мамам подруг. Подруг я жалела, их мам слегка презирала, а про себя считала, что вытянула у судьбы самый счастливый билет на свете.

Для меня до сих пор загадка, отчего мой брат закончил английскую школу, а меня отдали в самую обычную, даже, можно сказать, паршивую? Аргумент насчет того, что «пожалели дочку» не очень убедителен, ибо музыкальная школа в параллели с обычной – та ещё нагрузка. А, главное, зачем всё это было? Иностраный язык нужен всем и всегда и, кстати, много позже выяснилось, что у меня есть способности к изучению языков. Правда, поздно выяснилось. Зато вполне вовремя стало ясно, что ни музыканта, ни певицы, ни композитора из меня выйти ну никак не может. Зачем аж до восьмого класса я чуть ли не ежедневно таскалась в совершенно ненужную мне музыкалку? Что это мне дало? Хорошее знание музыки и музыкальной культуры? Дудки. Музыкалки не на это «заточены». В общем, «сказка о потерянном времени» получилась. Какое-то провинциальное мамочкино представление о том, что девочка должна «на фортепианах играть». Привет от родителей Прони Прокоповны (помните замечательный фильм «За двумя зайцами»?).

До четвёртого класса никаких проблем с учёбой у меня не было: я была отличницей в общеобразовательной школе, я вполне справлялась с программой музыкальной школы. А вот в четвёртом классе случилась беда: у нас появился урок труда, на котором мы, девочки, шили. Мамочка моя никогда не шила, она только, как бы сейчас сказали, дизайнерствовала, прикрепляла всякие «штучки» к перелицованным вещам. И швейной машинки у нас в доме не было. И шьющей бабушки у меня не было... Поэтому совершенно естественно, что на этом самом швейном деле я оказалась хуже всех: девочки весело строчили на машинках (домашний опыт у них имелся), а я никак не могла освоить науку вдевания нитки в этого швейного «кракозавра». А потом у меня никак не получалось ровно пристрочить тесьму к фартучку.

Помню, как я с ужасом смотрела на свои крепкие, сильные, «музыкальные» руки и не могла понять: отчего же они такие неловкие и бездарные? На фиг уметь играть все эти гаммы и арпеджио, если я не способна элементарно ровно пристрочить тесьму?

Короче говоря, в моем дневнике за полугодие появилась первая и, признаюсь, последняя в жизни «тройка» – по труду. Ну, там еще парочка четверок затесалась, но это ерунда, а вот эта «троечка»...

Перед Новым годом папа пошел на родительское собрание. Буря разразилась после его возвращения... Он что-то сказал маме, она вошла ко мне в комнату, и я сразу испугалась её лица: оно было темным, как будто почерневшим, огромные глаза полны гнева и слез, тонкие губы стиснуты в ниточку.

– На собрании зачитывали классную статистику, – чужим каким-то, страшным, я бы сказала, неживым голосом проговорила мама. – Столько-то процентов отличников, столько-то хорошистов, столько-то троечников... Ни в отличники, ни даже в хорошисты ты не попала. Потому что умудрилась получить тройку. Моя дочь – троечница, в списке троечников! Какой позор... Я не хочу с тобой больше разговаривать, – повернулась и ушла.

Я очутилась в аду. В самом страшном аду, который только может быть – куда там Данте с его кругами! Мне показалось тогда, что где-то ниже колен мне налили тонну свинца, и я уже никогда не смогу больше двигаться. Мне показалось, что откуда-то изнутри организма вытащили все внутренности, и там теперь очень больно и очень пусто. Странный шум появился в ушах, как будто десятки людей вокруг меня одновременно стали тихонько говорить «Ш-ш-ш-ш-ш-ш...» Я не знала, как и зачем мне теперь жить. Я не знала, как живут в аду, что там делают, что говорят, как двигаются. А ещё в тот момент я понятия не имела, что теперь этот ад будет местом моей постоянной прописки, и учиться в нём жить таки придется. Как всякий ребёнок я была уверена, что «всё пройдет». Хотя в тот момент, как оказалось, произошел «контрольный выстрел». В упор. В меня. Мне было десять лет.

Бедная моя мамочка! Она, наверное, думала, что делает лучше для меня, она так понимала правильное воспитание. Или... или... Может, она и не любила меня вовсе? Может, на самом деле эта чёртова статистика была для неё, а вернее, для её самолюбия важнее всего на свете, важнее той испуганной девочки, что осталась стоять столбом в комнате, не понимая ничего на свете: ни где право, ни где лево, а главное – что же теперь делать?

Как что делать? Ребёночий инстинкт взял свое:

– Мамочка, прости меня, пожалуйста, я больше так не буду! – отчаянно закричала я, не в силах, правда, двинуться с места (свинцовые ноги!).

– Отстань. Не хочу даже видеть тебя, – ответил мне всё тот же мёртвый голос.

Через пару дней был Новый год. Мама была честна и ни разу не заговорила со мной за эти дни. Она ходила бледная и хваталась то за голову, то за сердце. Я знала, что и то, и другое у неё часто «побаливает» и чувствовала себя монстром, убийцей мамы, самым ужасным чудовищем на свете. Мне казалось, что мама всё время заплаканная из-за того, ЧТО Я НАДЕЛАЛА, что только об этом и думает, что я – отвратительная, и лучше бы меня не было вообще (я думала, что именно так мыслила и чувствовала мама). Она смотрела сквозь меня и как будто даже не

замечала моего присутствия. С каждым днём мир вокруг меня всё больше терял краски, звуки и запахи. Он становился плоским и серым, как асфальт.

Но в новогоднюю ночь за столом, который впервые в жизни ни капельки меня не радовал, мама, изрядно выпив шампанского, вдруг притянула меня к себе, обняла:

– Силибоночка моя родная, ты обещаешь, что больше так не будешь огорчать маму?

Накопившиеся за эти дни слезы ужаса и отчаяния хлынули из меня жгучим потоком. Я вцепилась в мамулю, прижалась к ней что было сил и на всхлипе, почти стоне, закричала:

– Да, мамулечка, да, никогда больше так не буду, прости, прости!!!

На следующее утро, только проснувшись, я вскочила и побежала к маме – обнимать и целовать. Холодным жестом я была отстранена протрезвевшей и беспамятной мамой:

– Ты, кажется, забыла, что я с тобой не разговариваю.

«Да нет же, мамочка, нет, это ты забыла, что уже простила меня!» – но это я крикнула мысленно. Помню, что у меня как-то разом кончились силы. Больше я не боролась.

Сколько времени продлился тот бойкот, не помню. Конечно, со временем он как-то сам собой «рассосался». Но жизнь моя разделилась на «до бойкота» и «после». Как бы смешно это ни выглядело со стороны.

Миллион лет спустя, совсем уже недавно я рассказала эту историю своему врачу, убеждённая в том, что именно тогда я по-настоящему сломалась, навсегда испугалась, зажалась, свихнулась и всё такое. Доктор покачала головой:

– Что-то уж больно сильная реакция у вас получилась... Конечно, ваша мама – кошмарный родитель да и человек весьма неумный, но ваша реакция, вот такая – на всю жизнь – это уж слишком...

Я спросила у врача: могло ли быть так, что подобная реакция была связана с тем, что у меня началась гормональная перестройка организма, и как раз примерно в то же время начались месячные?

– А вот это меняет дело! – воскликнула доктор. – Конечно. Вот и причина глубочайшей травмы на всю жизнь. Теперь всё понятно...

Как говорится, суду всё ясно. А легче ли мне теперь от этого знания? С какой же, собственно, стати...

Недоинтеллигентность

Первый эпизод с детским садом, с которого я начала своё печальное повествование, когда меня хвалили, и мамочка радовалась, – ба-а-альшее исключение из правила. Мама посетила мой детский сад. Где-то бегемот издох. Ведь правило было таково: всегда и везде, на все собрания и на все мероприятия, в театры и в кино, на ёлки и «отвести в гости» со мной ходил только папа. Мама – никогда. Я тогда воспринимала это как нечто само собой разумеющееся. Мама всегда была занята (и это правда!). У мамы часто было очень плохое самочувствие (и это тоже правда). А с папой ходить, к примеру, в театр, было весело. Мы никогда ни о чём серьёзном не говорили, сплошные шуточки да баечки, обсуждение увиденного и просто пустой треп. А мама нас ждала дома с обедом. В общем, было здорово...

Правда, когда я выросла, то поняла, что очень многого в культурном воспитании, какое бывает во всех столичных (и не только) интеллигентных семьях, я недополучила. Ведь папа не водил меня ни на выставки, ни в музеи, ну, может разок в Пушкинский, и то – безо всяких объяснений, а потому я мало что поняла и усвоила. Мамочка всегда говорила: надо интересоваться культурой, надо знать живопись. Конечно, надо, кто ж спорит. А как?

Я с огромным интересом разглядывала художественные альбомы, что были у нас дома. Кстати, любопытный момент: как только я лихо заболела – с температурой и плохим самочувствием, сваливалась так, что меня укладывали в кровать под тёплые одеяла и в шерстяных носках – я тут же просила дать мне все эти альбомы и часами разглядывала репродук-

ции. Часами! И так каждую болезнь. Мамочка очень радовалась и с гордостью рассказывала об этом всем. «Ребёнок интересуется классической живописью!» Ну да, я интересовалась... Но дальше-то что? В конце концов, я выучила наизусть все имевшиеся в доме картинки. И постепенно охладела к этому. Но чтоб хоть раз отвести меня в Третьяковку, такого не было к моему несчастью. Справедливости ради отмечу, что и сами родители ни по каким музеям сроду не ходили. Не спрашивайте, почему. У меня нет ни объяснения, ни предположения, кроме одного: не очень-то им самим хотелось. Ибо у мамы был один бог – книги. Она искренне считала, что оттуда можно почерпнуть всё, любое знание, любое образование.

Мамочка всегда считала себя очень культурной женщиной. Пожалуй, на фоне посещавшей наш дом «интелихенции», большинство из которой были примитивной образованщиной (провинциалы, командировочные из глубокой периферии, московские недоучки), она могла слыть интеллектуалкой и энциклопедисткой. Ведь на самом деле книг ею прочитано было... сказать – много, значит, не сказать ничего. Она прочитала ВСЁ, что возможно, всё, что попало ей на русском языке. Но если говорить о живописи...

К нам в дом приходят люди и аж приседают.

– Ах, какие картины! Боже, сколько у вас картин, это же просто галерея! Ах, искусство...

Искусство приобреталось в Измайловском парке по сходной цене. Например, «глубокомысленная» картинка, на которой изображен стол с рублем и мелочью и запиской «Купи молока и хлеба». Или кривой очкастый интеллигент и подпись «Кто не пьёт пива, тот смотрит криво». Пошловатые пейзажи, какие-то якобы натюрморты. Ну, и разумеется, сколько-то изображений Христа (а то как же без него!).

После одного из ремонтов в родительском доме, когда я уже жила отдельно со своей семьей, в их гостиной появилась чудовищно бесвкусная люстра с висюльками под богемский хрусталь. М-да, получается, что лучше было тогда, когда выбора в магазинах никакого не было: бери, что дают... Тогда хотя бы не приходилось предьявлять миру свой вкус, вернее, полное его отсутствие... Но, собственно, кому предьявлять-то? Впрочем, и вкус – откуда бы он взялся? Из шахтёрского посёлка? Или из книг? Не-а, так не получится никогда. Как говорится: девочку можно вывезти из провинции, но вот провинцию из девочки...

Бедная моя мамочка! Она даже не подозревала о себе такое. Хотя, возможно, в этом она счастливый человек, убеждённый в том, что он и есть носитель Культуры и Знания.

Мой любимый человек постоянно водит теперь меня по лучшим музеям, я своими глазами вижу шедевры из «Огонька». Он терпеливо мне рассказывает, объясняет, втолковывает... Ну что ж, лучше поздно, чем в другой жизни... Но как же мне стыдно...

А ещё с детства я страшно любила рисовать! Так же страстно, как человек без слуха любит петь. Вот уж чего мне нельзя было делать ни в коем разе, так это пытаться что-то изображать с помощью карандаша или красок. Поразительная бездарность! Зато много и с любовью портила бумаги... Будучи совсем ребёнком и не зная, что же я могу подарить любимым родителям на дни рождения или другие какие праздники, я всегда рисовала им картинки. Ну, и подписывала, конечно: «С Днём рождения, любимая мамулечка!», «С 23 февраля тебя, дорогой папочка!». Однажды я услышала, как мамочка накануне какого-то 8 марта сказала папе: «Опять она нарисует какую-нибудь каляку-маляку, чтобы отделаться!»

Отделаться? Я немного растерялась тогда... А что же ещё я могла подарить? Как? Так и остался этот вопрос для меня непостижимо таинственным: что мама имела в виду? Что ей надоели мои рисунки? Или... Или я просто её так сильно раздражала?

Всё-таки мамуля ошибалась насчет универсальности книг как метода познания и образования: проплешины в знании изобразительного искусства, к примеру, у меня страшные. И не только в знании... Я их всё-таки уже не так чувствую, картины. Они не вызывают у меня

тех ощущений, какие были тогда, в детстве, в grippe, в плеле и носках. Я к ним намного более равнодушна. Сейчас пытаюсь заполнить этот стыдный пробел. Пытаюсь... Сейчас...

Открывать заново жизнь в моём возрасте? Вообще впервые понять, что такое жизнь и научиться (нет, пока не научиться, но учиться, быть в процессе познания)... сейчас будет смешно до колик... учиться слышать пение птиц, чувствовать запах цветов, разглядывать оперение пташек и следить за их повадками, такими, оказывается, разными у разных пород... Учиться нюхать воздух и ощущать разницу между воздухом, напоенным разнообразной зеленью и совсем другим запахом дыхания моря, соседствующего с мёртвой пустыней. Мир потрясающе разнообразен, интересен и достоин того, чтобы жить! Боже, осознать это в полной мере после сорока – сколько потеряно времени! Как бездарно прожита большая часть жизни.

Я научилась, наконец, смотреть не только под ноги, но и вверх, на небо. А там, оказывается, звезды и такая игривая луна, которая все время меняется, кокетничает, подмигивает, почему-то выглядывает днём во время царствования солнца... М-да, из меня просто сыплются банальности, как крупа из дырявого мешка! Но что ж поделаешь, если в моей жизни это всё – открытие, большая новость.

...Мы гуляем по Риму, и моментами я не могу сдержать слёз – слёз восхищения перед этой божественной красотой вечного города. На каждом сантиметре – потрясающие исторические памятники, будто рукою волшебника чудесным образом вписанные в ландшафт удивительной природы! Никогда не знала, что бывает такая красота! Хочется встать на колени и поклониться до самой булыжной мостовой то ли древним римлянам, то ли местным ботаникам, то ли маэстро Бернини, то ли всей Италии, то ли всё-таки богу...

Людам должно быть со мной комфортно.

А мне с ними?

Мы с мамой очень часто и подолгу вели беседы на общеморальные, нравственные, весьма и весьма высокие темы. Главный пафос маминых речей всегда был таков: человек должен быть безупречен в своем поведении по отношению к другим людям. И ещё, очень важное: мама признавалась не раз, что в воспитании сына и дочери главной её целью было, чтобы людям рядом с её детьми было хорошо, приятно, комфортно. У меня просто дух захватывало от такого понимания родительского долга. Я восхищалась и даже не задумывалась над тем, где в таком прекрасном раскладе помещается мой комфорт, моё счастье? Каким оно виделось мамочке? Но я вообще-то не была склонна к критическому анализу маминых чувств и мыслей: они для меня были, как для правовежного христианина Библия – непререкаемы, не критикуемы, но принимаемы, как истина в последней инстанции.

Мамочка больше всего на свете боялась, что её дочь может быть кому-то в тягость, может как-то мешать. Всякий раз среди людей я ловила на себе её «страшные» глаза: мол, не болтайся под ногами ни у кого, веди себя тихо, не возникай. Я всячески старалась прислониться куда-нибудь к стеночке, желательно слиться с ней и не дай бог не попасться лишней раз никому на глаза. Наверное, мама была права: дети не должны мешать взрослым и вообще это правильно – воспитывать человека так, чтобы он прежде всего думал об окружающих, а уж потом о себе. Что-то мне это напоминает... А-а-а! «Прежде думай о родине, а потом о себе!»

Недавно мне в голову пришёл образ, который меня сильно позабавил: мама всегда хотела, чтобы я была чем-то вроде прокладки или подгузника для окружающих людей, то есть, чтобы я была для них удобна и создавала комфорт. Ну, и очевидно, играла ту же роль. А после использования меня можно было бы просто выбросить. И я не должна роптать: главное – быть нужной людям. По-моему, очень неплохой слоган для рекламы прокладки как бы от имени прокладки. С крылышками.

Вот с тех давних-предавних пор сидит это теперь накрепко в моей натуре: я – мешаю, я – лишняя, я – хуже других. Не умею отстаивать свои права, ибо на подкорке у меня записано: нет у тебя прав, тварь дрожащая! С людьми строить отношения совершенно не могу: либо сразу начинаю сооружать из всех сил барьеры, выпускаю на всякий случай иголки, как дикобраз (меня же могут, просто обязаны обидеть, и правильно!), либо, наоборот...

«Ой, вы такая милая! Как с вами приятно общаться! Сразу видно хорошего человека! Давайте дружить!» – говорит мне некто, и я кидаюсь бездумно в распахнутые объятия чуть не со слезами благодарности: боже, я понравилась, значит, я буду любить этого человека до скончания веков! А потом, понятное дело, очередные грабли по лбу. Поэтому теперь предпочитаю в принципе держаться от людей подальше. Я не знаю, как с ними жить в гармонии и согласии.

Смешно: в любом заведении (ресторане, отеле, магазине, поликлинике) я всегда на уровне подсознания убеждена в том, что я – не главный, не лучший и вообще неправильный клиент, а все прочие – как раз те, кого необходимо обслужить в первую очередь. Опять же: поражаю, злю моего любимого, когда в любой ситуации начинаю пятиться и приговаривать: «да, ладно-ладно, ничего, я подожду, ради бога, мне ничего не нужно...» – вот так бормочу и отступаю. Отступаю, уступая свои права, абсолютно такие же, как у всех прочих. Могу развернуться и вообще быстро-быстро уйти. Мне проще остаться голодной, не принятой врачом, не поселенной в номер, чем нормальным образом заявить о своих абсолютно законных правах.

– Чем гордишься-то? – кипятится любимый.

Господь с тобой, родной, какое там горжусь! Ненавижу себя, презираю, но...

...Да, в тот далекий страшный год имени «тройки по труду» жизнь моя изменилась кардинально, стала совершенно иной. Главным её наполнением, её господином, повелителем, начальником и генералиссимусом стал страх. Я ещё не знала тогда, что страх может распол-

заться в разные стороны, давать неравномерный рост то влево, то вправо, может ползать по организму, вызывая то тут, то там всякие ощущения: боли, тошноты, ломоты, что он может мигать, как красная сигнальная лампочка в самом центре мозга, может затыкать изнутри уши и заливать чем-то серым глаза... Всё это я узнаю, непременно узнаю в течение грядущих лет, долгих лет страха. Конечно, если бы мамочка догадалась тогда, что со мною произошло, наверное, она приняла бы какие-то меры, что-то попыталась бы изменить. Ведь это же ужасно, нестерпимо, когда твой ребёнок так страдает. Любимый ребёнок... Вот, возможно, здесь ошибка в моих рассуждениях. Любимый... Я ни в чем не уверена...

Свой страх я считала заслуженным – я же реально провинилась! Я обожала маму и до смерти боялась потерять её любовь или спровоцировать её нездоровье, плохое настроение, слёзы. А потому я до резей в животе стала бояться школы, контрольных, отметок, вызовов к доске – в общем, всего того, что является нормальной каждодневной школьной жизнью. Таким образом, школа (и музыкальная тоже!) превратилась в мучку. В наказание. В ежеутреннюю пытку болью и тошнотой.

Иногда я не выдерживала и бросалась к любимой мамочке на грудь:

– Мамуля, ведь всё будет хорошо, всё будет в порядке? – а зубы мои стучали.

– Да, конечно же, ты чего, доча? – недоумевала мамочка, глядя меня по голове. Этого мне хватало для успокоения. Минут на десять. Очень скоро я опять начинала слышать стук собственных зубов...

Мамочка иногда страшно удивлялась:

– Не понимаю, что с Каткой произошло? Была малышкой такой храброй, везде лезла первой, ничего не боялась. Я так радовалась, что у меня такой незакомплексованный, в отличие от меня самой, ребёнок...

Ох, мамуля, и тут я не оправдала твоих ожиданий! Прости...

Наверное, тогда же из жизни ушла радость. Вот та обычная детская щенячья радость, которая ПРОСТО ТАК. Если козырнуть музыкальными терминами, то можно сравнить наступившее у меня состояние с режущим слух диссонансом, когда, к примеру, вы играете гамму до мажор и с какой-то дури вдруг жмете на соль-диез, которого быть не может в этой гамме. Вот такой «диссонансной» стала моя жизнь: она «звучала» неправильно, некрасиво, резала слух, глаз и все прочие органы и чувства.

Пожалуй, что обрести вновь радость жизни (бр-р-р, как высокопарно!) мне постепенно удаётся только теперь, тридцать с лишним лет спустя. И то – не в полной мере, с оглядкой, с недоверием к собственным позитивным ощущениям: ведь этого не может быть! Как это можно – радоваться жизни? Это же глупость недалёковидная! Беда подстерегает нас на каждом сантиметре!

...И тут же возникают передо мной вечно печальные мамыны глаза, скорбно поджатые тонкие губы. Постоянная складочка между бровей, тяжелый вздох: «Боже, как это всё ужасно, тяжело и невыносимо!» Сцепленные, будто в молитве, ладони, ускользающий от меня взгляд...

– Мама, мамочка! Что-то случилось?

– А? Что? – она меня не видит, не смотрит на меня. Или делает вид? – Нет-нет, ничего не случилось... Просто всё плохо...

– Как жить? – это мама разговаривает с пришедшей в гости подругой. – Разве так можно жить? Нет, ты скажи мне, что же у нас за жизнь такая?

Я не вполне понимаю, о чём, о каких бедах идет речь, но мамино страдание ужасно больно отдается у меня где-то в животе. И я понимаю, что смеяться и радоваться, когда моей мамочке так плохо, просто безнравственно.

Ей было плохо на самом деле? Наверное, да. Теперь, когда я понимаю, что рядом с нею, кроме моего брата, совсем не было любимых ею людей, что она была одинока в этой страшной, непонятной, совершенно чужой Москве, ей, конечно же, действительно было лихо. Несчастная

женщина... Но в результате она умудрилась создать вокруг себя эдакий Остров Страданий, где, по-видимому, никому уже не было и не могло быть хорошо, весело или хотя бы просто спокойно. В общем, не очень-то хотелось жить...

«В человеке всё должно быть прекрасно»

...Тогда в гостях у мамы была, кажется, тётя Лина. Такая красивая женщина, на которую я смотрела с нескрываемым восхищением. (К слову: тётя Лина была из тех персонажей моего детства, которые потом исчезли навсегда, и довольно долго мне было непонятно, почему. Понятно стало много позже). Мама, конечно, была красивее всех на свете, но вот эта тётя Лина, она была, как бы это сказать... ухоженная, что ли... Я тогда не знала ещё такого определения, но видела сильную разницу между мамой и её подругой. У тётя Лины были красиво уложенные волосы (у мамы такой прически не было никогда, она вообще крайне редко посещала парикмахерские, разве что только для «перманента»); у тётя Лины были длинные, красивые ногти бледнорозового цвета – это был маникюр. У мамы я такого не видела ни разу. А еще у тётя Лины красиво покрашенные ресницы, как-то удивительно волнующе изогнутые брови... Я спрашивала маму потом, почему она себе ТАК не делает и заодно интересовалась, почему не носит серьги, как тётя Лина и другие её подружки, или кольца, браслеты... Мама вздергивала подбородок:

– Я и так лучше всех! – и с гордым видом, резкими движениями наносила морковную помаду на свои удивительно тонкие, бледные губы.

Украшений, обычных женских украшений у нас в доме практически не водилось.

– Мещанство! – фыркала мама. – Я и так всегда привлекала всех мужчин безо всяких побрякушек и тонн косметики.

Видимо, она говорила правду. Ведь и папа ей никогда ничего такого не дарил. Он и без этого её обожал и восхищался ею. Наверное...

Но никуда не деться от того, что с каждым годом мне труднее было принимать внешний вид моих родителей. Каким бы «мещанством» это ни было, но всё-таки мы, люди – животные общественные... Я переживала сильно, старалась как можно деликатнее что-то маме советовать по поводу её одёжки и вообще внешнего вида, пыталась водить её к мастерам-парикмахерам, косметологам... Всё тщетно: ей это не нравилось, возможно, она искренне продолжала считать себя и без того совершенством. Впрочем, пожалуй, вру, не поэтому она пренебрегала нормальным женским позывом «выглядеть». Просто она искренне считала, что глупое мещанство, вроде ухаживания за своим лицом и телом, поиск приличной одежды и использование косметики ниже её достоинства, несовместимы с высоким интеллектом, что и без этой ерундистики она неотразима и привлекательна для мужчин любого возраста и положения. А мне, когда я смотрела на маму, агрессивно упорствующую в своём нежелании привести себя в порядок, всё чаще приходила в голову горькая мысль в виде цитаты из репертуара Райкина: «Вы на себя плюёте? Другим тоже плюнуть хочется!» Естественно, я молчала, никогда не позволяя себе ни слова – ни в глаза, ни за глаза. Родители – это святое. Было...

...Кажется, именно тогда, лет с десяти, я перестала смотреть вверх, на небо, я видела только асфальт, землю, жухлую траву, собачьи какашки, человеческую блевотину... Меня не интересовали ни звёзды, ни птички, ни цветочки, ни весеннее цветение деревьев. Именно тогда я узнала, что такое бессонница – в десять лет. Я лежала без сна до трех-четырёх утра, зажимая изо всех сил уши ладонями, чтобы не слышать этого ужасного, с каждой секундой звучащего громче и громче, уже просто устрашающего тиканья будильника, заведенного на семь часов...

«Мамочка, милая, любимая, родная! Спаси меня, помоги, мне так плохо!!!»

Бессонница стала моим проклятием, видимо, на всю оставшуюся жизнь. Больше никогда я не испытывала того блаженного чувства, когда закрываешь глазки – и всё, паришь где-то в неведомых тёплых краях, а паришь-то всего минуты две-три, никак не больше. И вот уже

глазки открыты, ты полна сил для подвигов и свершений, а прошло-то, оказывается, аж восемь часов! Нет, ночи мои очень длинные, куда длиннее дня и даже полных суток. Они мучительны своими короткими снами-видениями, а главная пытка – не уметь уснуть. Или, проснувшись в три часа, попытаться уснуть снова, часто безуспешно. Утро – просто кошмарный момент дня: голова тяжелая, тошнит, тело усталое и разбитое. И самое главное: снотворные не помогают...

Могла ли я, маленькая девочка, не жаловаться тогда родителям на то, что плохо сплю? Вроде бы, жаловалась. Меня же это так изматывало. И что? И ничего. Игнорирование. Ставшее впоследствии хроническим. Моих проблем, серьёзных, болезненных не замечали и не хотели знать. Ход был верный: я переставала жаловаться. Проблема (для них) исчезала сама собой. Или она даже не возникала? Вопрос открытый...

Я очень любила папу

Я очень любила папу, очень. Он в моём детстве всегда был добрым. Он не кричал, не ругал меня сильно даже за какие-то проступки. Но и не хвалил, вот что странно... Когда я думаю о детстве и о папе, то вспоминаю одно и то же: да, папа меня всегда водил на «мероприятия» и ходил на родительские собрания. А дальше одно сплошное «не»: ни разу в жизни с папой мы не вели никаких важных для меня-ребенка бесед. Ни разу в жизни он не учил меня чему-то важному, не говорил того, что должен был бы сказать девочке-подростку именно мужчина. Ни разу не назвал меня красивой, не дал никакого мужского совета... Ни разу не подарил ни духов, ни колечка. Позже мама объяснила это так:

– Папа любит только м-а-а-аленьких детей. Он как бы огорчился из-за того, что ты росла, росла и выросла. Он не знал, не понимал, каким быть папой для повзрослевшей дочки.

Понятно? Нет, дико до невозможности! Но тогда мне, девочке, это было обидно и странно. Папа меня перестал любить? Почему, за что? Видимо, я совсем никуда не гожусь и полностью его разочаровала. С какого-то момента папа не скрывал своего раздражения ко мне. А не надо было расти, изменяться фигурой, «включать» себе месячные и покрываться прыщами. Сама виновата!

Знаю, что подобное отношение к подросткам дочерям бывает у мужчин в сильно религиозных семьях, либо, как я читала, у маньяков, обследованных уже в местах не столь отдалённых. По мнению таких вот не вполне нормальных отцов, их бывшие девочки-куколочки, девочки-пупсики, когда почему-то вырастают, становятся грязными и мерзкими. Они (папаши) ничего не могут с собой поделать, им противны эти нескладные подростки, они их бесят, и сделать с этим ничего нельзя. Какая уж там любовь! Любовь умирает с первыми прыщами на мордочке некогда любимой дочечки.

Однажды (мне было лет двенадцать) на моих глазах машина сбила сразу двух игравших на проезжей части кошек. Кошки – мои любимые животные. Естественно, у меня началась истерика. Я со всех ног бросилась домой, заливаясь слезами, икая и рыдая. Мама открыла дверь, и я бросилась ей на шею: «Ой, мамочка!» Тут в коридоре возник папа, которого почему-то сразу затрясло от злости:

– Ну, что ещё случилось? – неприятно и раздражённо спросил он.

От рыданий я не могла справиться с голосом и дыханием:

– Там... там...

– Да говори же, черт! Что ты здесь устраиваешь? Прекрати рыдать! Или говори или кончай свою истерику! – это он почти прокричал. Когда я с трудом рассказала о происшедшем, он в сердцах махнул рукой:

– Ну и что так орать-то, вот идиотка! – и ушел в свою комнату, всем своим видом демонстрируя, какая я дура. Может, и впрямь дура? Словом, папе ни чуточки не было жалко ни кошек, ни меня. Я его раздражала абсолютно всем. И, по-моему, каждую минуту.

Нечто подобное, к моему ужасу, произошло и с отношением папы к моей дочурке, его единственной внучке. Когда она родилась, я была в шоке от его любви к моему пупсу и пребывала в счастливой уверенности, что свет не видывал более любящего дедушки. Казалось, он просто потерял голову от внучки! Так и было, пока она не стала подростком, не вытянулась, пока не обозначились под одеждой грудки. В этот трудный для девчонки период (полнота, прыщи, комплексы) родной дедуля резко потерял к ней интерес. И по сей день внучка, уже молоденькая женщина, ему не нужна. Как и не было никакой любви. Как будто теперь они чужие друг другу люди... Мой ребёнок до сих пор ничего понять не может: что же она сделала дедуле не так, в чем провинилась перед ним?

Именно тогда, когда папа охладел к моей дочери, мама и поведала мне об этой его странной особенности: огромной любви к крохотным малышам и резком охлаждении к «щечкам» подросткам. Такой вот непонятный человек, мой отец...

Следующую часть (вставку, переход во времени для остроты восприятия или просто авторский выпендрёж) можно было бы назвать так:

Записки, сделанные в стадии давно запущенной болезни. Или бред стремительно стареющей женщины, каждый день теряющей силы. Или оптимистичнее: агония жизни плохой, но уходящей...

Факт тот, что эти записки были сделаны совсем незадолго (за каких-нибудь пару лет) до начала Новой жизни. Нет, не так: до начала Жизни. Есть родители, которые дали существование, за что им низкий поклон, разумеется, а есть тот, кто подарил Жизнь. Так вот, существование без Жизни есть мучительное отсчитывание дней до конца. И вот, наконец, в моем существовании наступает момент, когда Жизнь постепенно начинается. Или рождается... Естественно, в муках.

Кстати, вставок будет несколько. С перерывами на основной текст.

Итак...

Записки нездоровой женщины

4 февраля

Опять кошмар утра. В смысле – кошмарное утро. Другим оно и не бывает. Объяснить это очень трудно: всё, всё вокруг кажется тошнотворным, серым и липким. А на своё отражение в зеркале смотреть вообще невозможно – столбняк ужаса пронзает от макушки до пят. Чуть-чуть в себя приводит душ... до которого ещё дожить надо. Был бы пистолет, давным-давно застрелилась именно утром...

Кстати, как я могу отличить свои болезненные мысли и чувства от нормальных? И могу ли? Если всё теперь в моей голове – «записки сумасшедшего», то какой смысл писать, думать, делать выводы, спорить, вообще жить? Обычно в таких ситуациях говорят, мол, «вскрытие покажет», так в данном случае и оно не покажет – никто ж не будет мне вскрывать мозги. А может завещать науке мой больной мозг? Надо подумать. Хоть что-то полезное сделать для человечества.

Я люблю (очень) и любима (кажется... вроде бы... пока что...). Оказывается, этого недостаточно не только для того чтобы быть счастливой, а даже просто для того, чтобы хотеть жить! Червячок радости... Он был во мне, жил, даже в самые страшные дни. Иногда мне казалось, что он исчез (это когда крохе-дочурке было плохо, когда дикие страхи одолевали меня), но малыш-червячок вовремя выползал из своего укрытия... Я, наверное, неправильно его назвала: не червячок радости, а червячок радостной надежды. Так вот, он успевал вовремя появиться, когда, казалось, я балансирую уже на самом краю. Успевал, лапочка. Но теперь, кажется, издох. Его нет уже очень долго. Порой какое-то чувство, близкое к тому, что дарил мне червячок, вдруг пытается появиться, родиться где-то внутри меня: не в голове, а в животе (как и положено червячку), и я начинаю радоваться безмерно, зову его, ласкаю рукой животик. Вдруг я начинаю видеть солнышко, в смысле – замечать его... Вдруг мелькают в голове картинки какого-то хорошего будущего... Но это – мгновения, секунды. Потом, очень быстро – всё. Пустота в животе. Или, в лучшем случае, «фантомные боли» радости и надежды.

Сны. Идиотские, яркие, эмоциональные сны. Радость для любого психоаналитика: тут тебе вся неудовлетворенность жизнью, все страхи и сомнения. А вот и фигурки: это уже давно не мои сны, а происки моих лекарств. Я уже не знаю, где кончаюсь я, и начинается, к примеру, золот. Помогает ли он мне? Видимо, да, потому что всё не так ужасно, как было раньше. Польза лекарства определяется по степеням: «ужас» или «ужас-ужас»? Смешно.

Причиняю много боли и страданий любимому человеку. Я хочу его порадовать, хочу быть здоровой и весёлой (ведь это всё, что ему нужно), но не в силах. Ни в физических, ни в моральных. Где ты, червячок?

Тебя убила мамочка. Бывший супруг-с? Как было сказано в замечательном фильме: «Он – всего лишь орудие». Не более того. Любимый говорит, что мою мать оправдывает её собственная болезнь, он отчего-то убежден, что она не вполне нормальна. Видимо, просто не видел человек прежде такие экземпляры, вот и не верит, что это может быть очень даже нормой.

В любом случае, это оправдание не «катит» в моих глазах. Пусть меня разобьёт самый страшный паралич, если я так разрушу жизнь своей дочери, как разбомбила мою мать. Ошибки могут быть у каждого, но стратегия и тактика «страдай и мучайся, дитя моё» – это я даже не знаю, как назвать. Боже, как я любила её, как верила! Всё детство, всю юность мою... Потом появились сомнения, потом я почувствовала её железную руку на моей шее. Потом она стала эту руку сжимать. Господи, сколько силы и злости в её руке! И какой мама оказалась двуличной – вот, о чём я никогда прежде не догадывалась! Никто, как она, не умеет притворяться доброй, нежной, слабой и беззащитной! Она всегда умела сделать «бедненькие» глазки так, что все вокруг рыдали. А в ней силы и агрессии – на пятерых хватит. За что она ненавидит

любимого моего человека, за что так растоптала нас? Да, он – умный (умнее её), образованный (поболе, чем она). Это даже неинтересно разбирать, тут всё и так ясно. Но заодно она возненавидела и меня. Или всё-таки никогда и не любила, а всю жизнь играла? Не верю. Да, она любила меня всё меньше и меньше, по ходу того, как я не оправдывала её честолюбивых надежд, но последний удар оказался самым страшным: я выбрала не того человека. Не того, который был нужен ей.

Возможно, она сама не осознает своей силы, но факт остается фактом: червячка прикончила она. Не прощу ей этого никогда. Мне без него – смерть.

Мама-педагог

У моей мамы педагогическое образование. Советское. Провинциальное. Поэтому она в семье – педагог никакой.

Мамочка моя всегда была великой труженицей, просто какой-то рабочей лошадкой. Если она не сидела за письменным столом, то непременно делала в доме уборку, готовила обеды-ужины, мучительно бродила по магазинам, добывая хоть какую еду и возвращаясь домой с тяжеленными сумками – до сих пор ума не приложу, как она таскала подобные тяжести! А в сумках были, как водится, гнилые овощи, жалкие мясные обрезки, кусок вареной колбасы, молоко, хлеб... Ну, всем известен сей советский кошмарный набор корма для людского скота, ежели приобретаешь пищу не с «заднего кырильца» магазинов. «Заднее» же крыльцо – это было не из нашей жизни. Мои родители принципиально этого не умели и не хотели делать.

– Мерзость, гадость, спекуляция.

Не понимаю, почему добывать еду с помощью денег – это гадость? Но для них, видимо, как для настоящих советских людей (несмотря на всё их якобы антисоветское диссидентство), важно было отдавать деньги именно в руки государства, но не в коем случае какого-то «частника». Государство за их деньги бросало им в лицо гнильё и тухлятину, а они, честные и чистые интеллигенты, волокли это домой, детям. И гордо презирали тех «непорядочных» людей, которые умели «достать», а на самом деле – купить из-под прилавка для своих детей доброкачественные продукты. И я бы не осуждала за это родителей, даже отца не осуждала бы (ну, бывают такие мужчины, не умеют они добывать мамонта для семьи, что ж поделать, не действует безотказно в наше время механизм естественного отбора, увы), но вот только гордиться собой им в этом случае не стоило бы... Тоже мне – хранители социалистических идеалов!

...И вот приходит мама домой, лицо зеленое, глаза несчастные. Ташит эти чертовы сумки-авоськи на кухню, где сама их разбирает, рассовывает, расставляет. Никогда к этому занятию она почему-то не привлекала ни меня, ни брата. И не только к этому...

Так и осталось для меня загадкой, отчего мама абсолютно не приучала нас к помощи по дому. Максимум – сбежать в магазин за хлебом. Никогда ни я, ни Сашка не помогали ей с уборкой или готовкой, сроду не таскали сумок. Всё она сама.

Правда, иногда у неё случались срывы.

– Да что же это такое! – орала она со слезами. – Я бьюсь, как рыба, и ни одна сволочь никогда не поможет!

Интересно, что эти крики всегда относились только ко мне. Брата, как правило, в такие моменты не бывало дома. Мне становилось ужасно стыдно, я тут же хваталась за тряпку и начинала вытирать пыль с пианино... Сашка же не делал ничего и никогда. Или от меня это тщательно скрывали (шутка). Но я действительно не помню братика ни в одной ситуации «помочь в уборке квартиры» или «сбежать за хлебом».

Что ж, спасибо тебе, мама, на домашнем фронте ты меня не эксплуатировала никогда. Хотя есть один нюанс: готовить я так и не научилась, всю домашнюю каторгу, когда сама стала хозяйкой, осваивала так, будто я из детского дома вышла. Кое-чему научилась. Например, пре-

успела в уборке помещений: мой дом друзья в шутку называли «операционной», настолько в нем всегда было чисто, может даже чересчур.

Я повторила твою ошибку, мама: я тоже никогда не заставляла свою дочь что-то делать в доме, и тоже выросла неумеха еще та. Теперь мой взрослый уже пупс заявляет:

– Своим будущим детям я бездельничать не дам. А то они к двадцати годам не будут уметь ни полы вымыть, ни пуговицу пришить, – и с укором смотрит на меня. Абсолютно права моя девочка! Пусть только хватит ей на это сил и не сработает дурная наследственность. В общем, посмотрим, как у неё получится...

Это плохо, очень плохо, когда ребёнок вырастает, ничего не умея, не зная ни про домашнее хозяйство, ни про отношения мужчины и женщины (мужа и жены), ни про рождение и воспитание детей. Я случайно нашла точный образ себя – юной девушки и начинающей хозяйки: девица из детского дома. Ничего не умевшая и не знавшая. Не умевшая отличить любовь от увлечения, не умевшая строить отношения и ничего не понимающая в том, как надо подходить к созданию семьи. Когда родилась дочка, я не имела понятия об элементарных вещах, которыми учат именно мамы, а, к примеру, пеленать младенца, держать ребёночка на руках, делать подгузники меня учила сестра мужа.

Посмотрите на кошку с котятками, сучку со щенками, да любую тварь с детёнышами: все мамки учат практической жизни своих детей, все им что-то мурлычат, мячуют, лают, показывают, рассказывают... Ну что ж, меня учили чему-то другому, пожалуй, тоже важному и нужному, но не имеющему никакого отношения к обыденной, практической, каждодневной жизни. А ведь надо было жить именно каждый день, просто – жить. Этому-то я и не научилась...

Иногда представляю себе картинку, как мама зовёт меня-девочку:

– Доча, иди сюда, будем вместе готовить борщик, я тебя научу, расскажу секретки, а заодно поболтаем...

Неужто бы я отказалась? Да ни за что на свете! Но мама предпочитала всё делать сама, в мрачном одиночестве, с трагически поджатыми губами. Она говорила, что любит ДУМАТЬ во время готовки, мытья посуды... То есть, она была в эти моменты очень занята своими мыслями, наверно, сюжетами своих произведений. Похвально. Красиво. Все интеллигенты ахают. Мамочка всегда либо писала, либо думала, либо читала. На меня у неё, работающей дома и не ходящей никогда «в присутствие», времени совершенно не оставалось. Интеллектуалка!

О, если бы мама учила меня, как надо пеленать ребёночка, как надо учить малыша говорить, читать, ходить и так далее, я была бы счастлива. Я не наделала бы столько ошибок, сколько наляпала «выпускница детского дома». Самое грустное, что мои ошибки в воспитании дочки были очень глупыми, ужасно стыдными! Я их давным-давно самостоятельно осознала и что-то даже попыталась исправить, но обидно, что я могла бы избежать столько глупостей, если бы мама научила меня самым простым материнским премудростям.

Я не знаю, почему она этого не делала. Возможно, из дикого «совкового» ханжества: как это возможно говорить с дочерью о её будущих детях? О её замужестве? Боже, это же разврат какой-то! Советская педагогика, очевидно, была рассчитана на воспитание бесполох существ. А, может, моя мать сама была «девицей из детского дома»? Тогда привет тебе, бабушка! Что ж, в таком случае эта порочная цепь, надеюсь, прервётся на мне. То есть, я сама её порву.

Кромешная зимняя тьма. Яростно звенит будильник, как гнусный палач, как гестаповский «мясник», как распоследняя сволочь. И дело даже не в том, что я, как всегда, не выпалась, а в том, что его отвратительное верещание знаменует собой начало очередного мучительного дня – дня, полного тревоги, страхов и то и дело подступающей к горлу тошноты.

А сегодня день вообще особенный: контрольная по математике. Я по-прежнему одна из лучших учениц в классе (лучше меня только Олечка, подружка моя дорогая, до сих пор родной человек), но вот с точными науками у меня любви не сложилось. Кое-что, вроде бы, ясно, а что-то почему-то ускользает, не хочет вкладываться в мои извилины, все время выпирает

непонятками и выливается в проблемы при решении задач и примеров. А потому к моему постоянно тупому, как хроническая зубная боль, страху перед школой в дни всяких проверок и испытаний добавляется острейшая боль дырявого и воспаленного зуба. У-уф, сравнила... Но, ей-богу, примерно так оно и чувствовалось.

У меня редко возникали проблемы с уроками дома, но, порой, что-то не очень склеивалось с той же математикой, физикой или химией, а я, как ребенок обязательный и ответственный, просто обязана была разобраться в теме. И вот я шла с учебником к старшим товарищам, жившим со мной на одной жилплощади. Как я уже говорила, моя супер-отличница мама НИ РАЗУ в моей жизни, начиная с четвертого класса, не смогла мне помочь ни по одному предмету... кроме русского языка, где мне помощь была не нужна (ха, ха, ха).

– Дождись папу, он тебе поможет, – нахмуренно посмотрев в учебник, говорила мама. Или: – Сашка сейчас дома, обратись к нему.

Простое умозаключение я, очевидно, в силу особенной своей тупости (не зря же проблемы с математикой!), сделать не смогла: вот, оказывается, чего стоили все ее «пятёрки», золотые медали, награды и доски почёта. В «Пындровке» (условно говоря), среди необразованных, нечитающих людей не очень сложно быть первой. И, наверное, с маминой стороны было не слишком-то умно постоянно бахвалиться этим своим вечным первенством на деревне. Но мама страстно и любой ценой жаждала моих «пятёрок», золотой медали, наград и досок почёта, таких же, какие были у неё, не считаясь ни с логикой, ни со здравым смыслом, не желая думать и рассуждать на эту тему. Видимо, только всё это могло оправдать в её глазах моё ненужное появление на свет.

Музыкалка превратилась в пытку: четыре раза в неделю я ездила на троллейбусе на все эти сольфеджио, хоры, «музлитературы» и прочую муру, совершенно не понимая – зачем?

– Так надо! – твердила мама. – Бросить не позволю.

Музыкалку я тоже боялась, тем более, что дважды в год с самого первого класса там были экзамены. Каждый раз испытание, каждый раз потные ладони, большой живот, тошнота и рвота в туалете, чтоб не дай бог, никто не увидел.

Сладкие мечты: приезжаю на занятия, а музыкалка сторела. Или умерла моя училка по игре на фортепиано, и пока мне не могут подобрать новую. Или... Однажды утром я не проснулась от будильника. Потому что умерла... Первый раз я удивилась этой мысли. А потом она стала приходить ко мне всё чаще, как очень привлекательная альтернатива этой серой жизни, в которой нет места и времени для гуляний с подружками, нет радости от общения со сверстниками, ибо всё и всегда напрочь перебито страхом: как и что будет с учёбой? Какие я получу отметки? Сумею ли ответить на уроке на «пятёрку», в крайнем случае, на «четвёрку». Потому что когда я получаю «четвёрки», мама всегда спрашивает:

– А почему же не «пять»?

И часто в такие моменты возникают «другие дети».

– Вот у Инны Николаевны дочка учится во французской школе и, между прочим, в музыкальной тоже. У нее одни «пятёрки» и там, и там.

– А дочь Льва Семёновича заняла первое место на олимпиаде по ботанике. Такая умничка!

– Ты плохо выучила, потому что вчера устала после музыкальной школы? Я не понимаю, а как ДРУГИЕ ДЕТИ справляются и с тем, и с этим? Ты какая-то особенная, что ли?

Мне стыдно, мне ужасно стыдно, чувство вины душит меня. И я опять понимаю, что маме не повезло с дочкой. Так, может, всем было бы лучше, чтоб меня не было?

Когда моя дочь пошла в школу, для меня было совершенно ясно, что я никогда, ни за что на свете не буду ругать её за плохие отметки. И это данное себе слово я держала крепко! Когда у дочки что-то не ладилось в учёбе, и я видела её огорчение или озабоченность, моими главными

эмоциями были жалость и желание ей помочь, освободить от дискомфорта. Я сделала всё, чтобы она вообще не боялась уроков, учителей и оценок.

– Даже не думай бояться завтрашней контрольной! Подумаешь, «двойку» получишь! Нет, я тебя ругать не буду. Никто тебя ругать не будет. Так чего ты боишься? Сама не знаешь? Хорошо, давай договоримся так: если ты получишь «двойку», я покупаю торт, и мы это дело заедим. ОК? Чего хихикаешь-то? Не-е-ет, за «тройку» только шоколадку подарю, не больше...

Ни разу за 10 лет школы я не ругала её и даже особо не контролировала. Я боялась только одного: чтобы, не дай бог, у дочери не случилось никаких психозов или неврозов, чтобы её не тошнило по утрам и не мучила бессонница. Пожалуй, я перестаралась: в старших классах девочке стало до такой степени плевать на учёбу и отметки, что это перешло границы нормы. Но я всё же не жалею. Сейчас она уже совершенно взрослый и самостоятельный человек, который НЕ БОИТСЯ никого и ничего: ни ситуаций, ни людей, ни чиновников, ни начальников. И ещё она любит жизнь и умеет получать от неё удовольствие. А детство у неё, как мне кажется, было полноценным, потому и вырос человек без комплексов и страхов. Слава богу! Слава мне – любящей маме (это шутка)! Но я действительно очень и очень рада. Я старалась, и у меня получилось.

Записки нездоровой женщины

Тот же день

Ищу виноватого? Всё пытаюсь свалить на мать? А сама ведь уже давно большая девочка. Наверное, я в чём-то не права. Где же, в чём же МОЯ вина? Пытаюсь ответить на этот вопрос, но получаю лишь ошмётки ответов: да, я не очень-то умела строить отношения с людьми (прежде всего это касается работы), да, я была слишком амбициозна и обидчива... Но это всё не так было бы страшно, если бы у меня хватало сил на жизнь! А их-то у меня как раз и нет. К сорока годам все отпущенные на... шесть-семь десятков лет силёнки кончились. В этом Я виновата? Или... В какой момент жизни я пошла не по тому пути? Мне так кажется, что где-то в самом начале. Где были близкие-умные? Почему никто не вправил мне мозги и не подал руки? Опять валю на других? Ой, запуталась...

Болезненная любовь к дочери. Как болит за неё сердце, я её ОБОЖАЮ! Если бы я была миллионершей, я бы давала ей сколько угодно денег, давала бы ей всё, только бы она была счастлива. Хотя, по правде говоря, я не знаю, как сделать её счастливой. Какое же я ничтожество, если не могу даже дочери помочь в этой жизни ничем. Только любить её могу. А, может, это немало? Может, если б мать любила меня, у меня всё было бы тип-топ? Вопрос... А вдруг я тоже сейчас не вправляю дочке мозги и не подаю руки?

Вчера окончательно поняла, что уже не хочу больше искать работу «журналистскую, редакторскую». Что-то осточертело мне всё это. Да и писать, кажется, вряд ли смогу. И, наверно, даже не хочу. Противно: все эти пафосные редакции с гламурным идиотизмом, эти женско-генитально-прокладочно-климактерические страдания. От политики тошнит. А что ещё осталось? Только какая-нибудь узкая специализация, в которой я ни бельмеса. А в чём, собственно, я «бельмеса»? М-да, я никому не нужна как профессионал, уже понятно. Зато появилось утешение: ОНИ мне все тоже за фигом не нужны. Я всё больше склоняюсь к какой-нибудь административной работе в салоне красоты. Там нет пафоса и напыщенной рефлексии, там разговоры и проблемы проще, а с людьми легче и спокойнее. «Побазлать» о кино, о моде, фасоне платьев, цвете волос, о новом солярии, о проблемах отцов и детей и даже о целлюлите – и всё легко, так, между прочим. Нет, я не строю бриллиантовых иллюзий – где люди, там конфликты. Но нутро моё они бы не затрунили – вот в чём принципиальная разница.

Телефон...

Так, про телефон позже. Пришел мой любимый, и опять я оказалась ничтожеством, не способным приготовить вкусный обед родному человеку. Как объяснить, чтобы было понятно:

меня мутит от вида и запаха еды. Вот он готовит, а я борюсь с тошнотой. Когда же он разлюбит меня окончательно? Ведь еда для него – почти святое. А для меня ничто. Тем более с тех пор, когда аппетит улетучился туда же, куда, видимо, и червячок. В небытие.

Тело слабое, голова ватная. Какая, к черту, работа? И ещё: куда подевался мой ребенок? Дома её нет, мобильник недоступен. Психую.

УР-Р-РА!!! Она объявилась в «он-лайн дневниках». Можно больше не звонить: она дома, значит, жива-здорова. Но почему не брала трубку? Ладно, её дело.

Итак, телефон. Сколько раз я тянулась к трубке, чтобы позвонить знакомым, поболтать, не быть хамкой, на месяцы пропадающей? Миллион. И каждый раз отказывалась от этой затеи: не могу говорить, не могу поддерживать беседу, нет сил и, честно говоря, желания. О своих проблемах рассказывать не хочу-не буду, чужие мне на фиг не нужны и не интересны. Значит, скоро всех друзей потеряю. Знаю, но ничего поделать с собой не в состоянии.

Сутки сползают к вечеру – легчает. И так каждый день.

Доча исчезла из «дневников». Ушла? Куда? С кем? Зачем? Ах, малышка, ты выросла, и я сама окунула тебя в самостоятельную жизнь. Иначе не получалось. Теперь терплю другую муку: НЕВЕДЕНИЕ.

...Легчать-то легчает, но всё равно погано. В смысле – физически. Иногда кажется – ну вот-вот чуть-чуть и помру, всё тело само с собой в разладе, сердце сбивается с ритма, в голове шум, тошнота, сосуды скрючились, как ветки старого дерева, руки трясутся... Так нет же! Оказывается, человеческий организм – весьма стойкая штука. Все ещё живу, скриплю, думаю, вот нос даже чешется и кофе захотелось попить...

Я не вундеркинд, и маме очень грустно

Мама с папой удивительно долго не теряли надежды, что из меня все-таки выключнется нечто гениальное, вундеркиндское. Несмотря на большое отвращение к музыкальной школе, за взятым в кредит пианино под названием «Лирика» я проводила много времени.

Во-первых, подбирала все популярные песенки того времени, чтобы петь в одиночку и с девчонками. Из фильмов, например, из «Трёх мушкетеров»: «Пуркуа па! Пуркуа па! Почему-у-у бы не-е-ет!» – завывала я (голосок-то был не очень, хорошо хоть слух имелся). В нотном магазине я пристрастилась покупать всякие романсики известных композиторов. К примеру, осилила «Светлану» Хренникова из кинофильма «Гусарская баллада». И аккомпанировала себе, и пела, вернее, пищала – трудно было «вытянуть» высокие ноты моими слабыми связками. Кстати, все эти музыкальные развлечения очень даже работали на мою популярность среди подруг: я же подбирала любые, в том числе дворовые песенки и можно было собираться у меня дома или у любого попавшегося инструмента, например, в актовом зале школы, и хором петь! Гитарное увлечение ещё не проникло в наши девичьи ряды... Это случилось несколько позже.

Очень важное... Я страшно благодарна папе за то, что у меня была огромная куча виниловых пластинок: пожалуй, всё, что делала студия грамзаписи «Мелодия», он покупал для меня – сказки, детские театральные постановки, в том числе музыкальные. Слушать их всегда было здорово: оперы «Красная шапочка» Раухвергера, «Белоснежка» Колмановского... Думаю, что отличная детская музыка, которую я крутила целыми днями, развила мой музыкальный слух и вкус лучше, чем все годы, убитые в музыкальной школе.

Во-вторых, я слегка композиторствовала. Если вдруг попадались стихи, которые производили на меня впечатление, я почти всегда бросалась к инструменту – сочинять к ним музыку. В результате, в моем активе образовались два более или менее приличных «романса». Один «менее»: «Стоял он красивый и рослый, на круче у горной реки...» Эдакий гимн свободе через печальную историю свободолюбивого оленя. «Но лучше погибнуть свободным, чем жить, оставаясь рабом». Так себе у меня получилась музыка, но зато с мелодией.

А вот «Тучки небесные, вечные странники...» уже явно на что-то претендовали. Теперь я понимаю: то было типичное подражание (невольное, разумеется) Сергею Рахманинову с тютчевскими «Весенними водами». Ну и что? В общем-то, подражание неплохо удалось. По крайней мере, мой весьма музыкальный папа был в восторге. И загорелся идеей продемонстрировать мои «творения» профессионалам. Мамочка, естественно, вновь обрела надежду, что я все-таки на что-то гожусь...

Как ни смешно, профессионалы были приглашены к нам в дом на обед. Это была моя первая учительница музыки и её муж – самый главный в данном случае профессионал: какой-то там препод из Консерватории. Кажется. Или я что-то путаю, или не помню... Но имелось в виду, что именно он должен был вскричать, воздев руки к небу:

– Боже! Какой талант! Я искал такого ребенка всю свою профессиональную жизнь!

Сначала мы обедали. Потом мне было велено пойти с этим важным человеком в мою комнату и исполнить на «Лирике» свои произведения. Вернее, спеть под собственный аккомпанемент (романсы же!). Страшно волнуясь, я выступила в качестве композитора. Дядя вежливо улыбнулся, сказал «хорошо» и предложил вернуться за стол, что мы и сделали. Дальше произошло то, чего я не должна была видеть (излишняя наблюдательность – несчастное свойство моей натуры, слишком часто я вижу и слышу то, чего не следовало, хотя бы для собственного сладкого сна по ночам). Итак, я вижу: моя бывшая училка, глядя на мужа, вопросительно вздергивает подбородок, а губами делает «ну?». Её муж-профессионал морщит нос, кривит лицо и делает всего лишь одно отрицательное движение головой. Вся эта сцена длилась не более секунды, но я её углядела во всех подробностях. Мне стало всё ясно. Скоро я тихонько исчезла из-за стола.

После ухода гостей ничего не обсуждалось, и мы никогда больше не возвращались к моему композиторству. Слава богу, на сей раз меня никто не ругал, ни в чём не упрекал. Просто тема была закрыта. А самое интересное то, что НИ РАЗУ в жизни у меня больше не возникло никаких позывов что-то там сочинять музыкальное. Прав, наверно, был дядька-то, а может, он просто не любил Рахманинова?

Но мамочка опять расстроилась. Я это видела.

Недавно я пристрастилась к чтению произведений писательницы Елены Колиной. В своём заграничном далёко часто покупаю её книги, к счастью, их здесь продают. Так вот, в одном из её романов перед главной героиней в детстве стояла титаническая задача совмещения двух абсолютно несовместимых систем воспитания – мамы и бабушки. Для бабушки самым ценным в человеке была его особинка, его отличие от других, умение выделиться из толпы, быть нетривиальным, ни в коем случае ни в чём не быть банальным, а всегда не таким, как все. Именно так она воспитывала внучку: будь особенной! Мама же, напротив, больше дочкиных «двоек» и, возможно, даже болезней, боялась того, чтобы дочка её была не как все, особенной, яркой, другой. Девочка, любя и маму, и бабушку, с каждой вынуждена была играть другую роль, чтобы не огорчать родных: с бабушкой – роль самой яркой девочки не из толпы, с мамой – роль обычной школьницы из коллектива. Получалась забавная и немного дурдомовская ситуация, и девчонка росла со слегка странными и сдвинутыми в разные боки понятиями. Впрочем, это не помешало ей стать всё-таки очень даже необычной и особенной. Бабушка победила!

А теперь представьте похожую ситуацию, но только обе роли (и бабушки, и мамы) совмещает один человек – мамочка любимая. С одной стороны, от дочери требуется нечто особенное, то, что выделяло бы её как мамину дочь из толпы (компании, класса, школы, города, страны), но с другой...

– Ма, нас завтра заставляют после уроков идти собирать макулатуру!

– И что? Иди!

– Но у меня же занятия в музыкалке! Я не могу...

– Что значит «не могу»? Чем это ты лучше других? Все же должны собирать макулатуру...

– Но как же...

– Значит, реши этот вопрос! Объясни, что у тебя занятия, ты не можешь. Что ты принесешь из дома макулатуры столько, сколько надо. Милый! – это она кричит папе. – Полезай-ка на антресоли, у нас там миллион газет скопилось! Значит, ты принесёшь макулатуру на следующий день. Но реши эту проблему! Ты ничем не лучше других, и раз надо собирать... – ну, и так далее.

Всякий раз из подобной мутотени приходилось выкручиваться самой. Школьные дела часто входили в противоречия с моим музыкальным расписанием, но мама предпочитала не вмешиваться в эти неприятные разборки. Все конфликты «личного с общественным» (так называли это в школе классная руководительница и пионервожатая) сыпались исключительно на мою бедную башку. Эх, если бы то были конфликты «личного»... А то ведь – музыкалка чёртова! Которую я в гробу видала!

А папа... Папа к тому времени совсем не принимал участия в моей жизни, моих проблемах и неприятностях. Ведь я уже не была пупсиком, меня давно всю мучили менструации, я вытянулась в кривую граблю, на лице полыхали прыщи... Я больше ему не нравилась. Раздражала.

Записки нездоровой женщины

Тот же день

...Опять передрыга. Дочь хотела приехать к нам в гости, муж встал на дыбы. Я его, конечно, понимаю: он переживает за меня, ведь нам обоим ясно, что мою девочку жуть как интересуют недавно купленные диски с «Каннскими львами», а не мы как таковые. Обидно, грустно... Такие визиты мне тоже не в радость. Но его реакция причиняет особую боль... Как я устала метаться между ними – уже три года! Два единственно близких и любимых человека – один в силу естества природы, другой – судьба. Как тяжело, боже! Какой и когда здесь может быть выход? Прихожу к одному и тому же: меня быть не должно. Алиса быстро утешилась бы – не сомневаюсь. А мой любимый... Думаю тоже. Ему так полегчало бы, что горечь утраты быстро сменилась бы вполне благостным мироощущением.

Ну, позвонит она завтра, опять попросится в гости... Я ж не могу всё время отказывать ей в этом, а она не может не увидеть (срочно!) «Каннских львов». Вот и болтаюсь между ними, как известно что в проруби. Доча, доча... Тебе нужны диски со «Львами», а не мама. И ты даже не споришь с этим по простоте и открытости своей натуры. Что ж вы убиваете меня, родные мои?

Близится ночь – самое моё любимое время. Чувствую себя неплохо, а самое главное – приходит сон. Со снами, часто паршивыми, всё равно – освобождение. Хотя потом наступит это кошмарное утро... Хоть бы оно не наступало! Господи, оставь меня во сне навсегда!

Новость под занавес дня: умер Том – самое любимое существо моих родителей. Самое!. Ни я, ни внучка, а именно этот рыжий кот. Не буду звонить, не буду ничего им говорить, не хочу слышать их рыданий по поводу кота. Конечно, мне тоже его жаль, но когда кота любят больше, чем близких людей... Мне хочется сказать: так вам и надо! Прости господи...

Пусть земля тебе будет пухом, Томик!

5 февраля

Сегодня с утра чуть лучше физическое состояние. Вот что значит три таблетки вместо двух! Но муж... Опять разговоры про больницу. Надоела я ему, видимо, до смерти! Конечно, он хочет мне добра, но какое-то добро у него немножечко со сжатыми кулачками. Наверное, надо соглашаться, чтобы он хоть чуточку от меня отдохнул – с одной стороны. С другой –

больница... Даже думать жутко. И если б на неделю, ну две, а то ведь речь идет как минимум о месяце! И чем там меня пичкать будут, какие будут последствия – одному богу известно. Что же делать?

Ещё одно доказательство того, до какой степени остервенелости я надоела мужу: он предложил мне пожить одной. Где-то как-то по большому счёту угадал: когда мне особенно плохо, единственное мое страстное желание – остаться одной в квартире, чтобы никого... Но потом может возникнуть дикая тоска по его нежному голосу. И что тогда? Звонить ему и канючить в трубку, чтоб он приехал?

Возникает тривиальная мыслишка: мой любимый мужчина любит не меня, а то, что сам придумал. Пытается исправить выявившиеся в процессе эксплуатации несоответствия и недоделки. В противном случае вещь ему не нужна.

Банальная тема для банальной дискуссии: любовь – это когда любишь и принимаешь человека таким, какой он есть, или любовь – это стремление усовершенствовать ошибочно выбранную особь? Ведь она, особь эта, внешне очень даже нравится. Ха.

Муж опять кухарничает. Эй, аппетит, где ты? Ну, нет его, хоть тресни. От мысли о еде опять тошнит. А любимый обижается (он, правда, говорит, что не обижается, а огорчается). Но разве я виновата?

Слабость, слабость... Тело меня больше не слушается. Всё чаще вспоминаю, как раньше много было сил (оказывается!), как по утрам легко вставалось, как хватало энергии на то, на сё, на чёрт знает что! Никогда не думала, что меня настигнет подобная немощь. Тем более так рано. Так, может, в больницу? Или сразу в гроб?

Самое грустное: непонимание близких. Или отсутствие таких близких, которые понимали бы. Что говорить, когда говорить нечего? Куда идти, когда некуда идти? Кому объяснять, если... никто не понимает?

Оказывается, я этот наш общий с любимым дом полюбила, обжила его, чувствую своим, родным. Мне в нём хорошо. Хорошо укрываться от внешнего мира, мне здесь тепло, даже когда холодно... Жаль, что муж не любит нашу красивую квартиру и злится, что меня трудно вытащить отсюда. Но какое же нормальное живое существо добровольно и с охотой будет перемещаться оттуда, где ему комфортно, туда, где ему плохо? Абсурд.

Хочу, чтобы он тоже любил наш дом. Но это, кажется, утопия. Он не умеет любить никакой дом, если это не та его квартира на Смоленской, где он родился и прожил (до меня) всю жизнь. Вот ведь парадокс! Человек сроду не менял жильё и теперь никакого другого не приемлет. Нет, всё-таки люди должны периодически перемещаться, иначе одни и те же стены могут стать «навязчивой идеей». Он никогда не создавал дом сам, с нуля, с самого начала. У меня в этой части бытовой жизни опыта намного больше. Но что делать с его нелюбовью к нашему дому?

В следующие месячные пойду делать маммографию. Психую. Я, разумеется, понимаю, что рак может быть где угодно, но видимо «история болезни и смерти» сестры бывшего мужа произвела на меня слишком сильное впечатление. Кроме того, лет пятнадцать назад один маммолог сказал: здоровье груди – это на 50% здоровая гинекология и на 50% здоровые нервы. И с тем и с другим – проблемы. Да плюс тонны таблеток принимаю – это ж сплошная отравка. А еще возраст... Словом, боюсь. Если и в этот раз пронесет, тогда уж точно надо бросать курить, дабы не искушать судьбу. Хотя я и так снизила количество сигарет до минимума. Недавно шарилась по медицинским сайтам и на одном форуме нашла рассказ человека об отце: он никогда не пил, не курил, не имел лишнего веса, вел здоровый образ жизни – и в 54 года внезапно умер, кажется, от инсульта. Так-то...

Тянет прилечь. А если честно – поспать. Но что тогда делать ночью? Ну и какая может быть работа с таким здоровьем? А на работу тянет, причём, именно на такую, о какой я написала вчера. Чтоб голову не забивать. Чтоб без «понтов» и пафоса. Чтоб без этой довольно-таки

противной журналистской братии кругом. Проще, попроще... Глядишь, нервы и голова целее будут. Я же могу играть роли, я это делала в своей жизни не раз – когда хотела. Для такой работы я уже сочинила себе и роль, и грим, и костюм. Хочу!!! Но пока не могу... Тело, организм, чёрт бы их драл, не позволяют даже рыпнуться в гости к работодателю. Сегодня почему-то, вопреки правилам, к вечеру похужело. Непонятки.

Думаю про то, что творится в доме родителей. Мать, наверно, всё время плачет, а, может, уже и слегла. Отцу уже не до горя, он хлопочет вокруг матери. Хотя его сердце вызывает у меня бóльшие опасения, чем материно. Мужа очень беспокоит, что я опять думаю о родителях хоть в каком-то контексте. Но, что ж делать: я уже и так научилась себе запрещать иногда думать о чём-то, о чём думать больно. Например, блокирую некоторые воспоминания только на подступах от подсознания к сознанию. Раньше не получалось. Но о родителях не блокирую пока что, тем более, когда такие события – смерть главного любимца их жизни. Есть, о чём поразмышлять. Например, как это на них скажется – на здоровье, на характере, на наших с ними отношениях.

А у моего отца 15 числа день рождения. Так или иначе, придется звонить. Может, к тому времени они хоть немного успокоятся?

Может, это и неправильно, но чувствую себя нравственно сильнее их. Мы с мужем сделали всё, чтобы наладить отношения со всеми, я предложила «бывшему» прекратить войну, заключить мир, без аннексий и контрибуций. «Бывший» и мои родители, выступающие единым фронтом, нас оттолкнули. Проигнорировали. Что ж, теперь это целиком и полностью их выбор. Люди, отталкивающие протянутую руку, мало напоминают мне истинных христиан, каковыми они себя объявили. Хотя подозреваю, что мыслями и чувствами «бывшего» управляет все-таки трусость. Он боится меня, боится ситуации «глаза в глаза», боится моего мужа (он сам понимает, да и я ему говорила, что между ними интеллектуальная пропасть – зачем же ему такой риск оскандалиться уже не только в моих глазах?). При нормальном личном общении многое бы вскрылось, выяснилось, встало бы на свои места. На фига ему-то это? Вот я не боюсь ни капельки. Там, где была не права, переборщила – легко признала бы это, коль дошло б до дела. Мне нечего бояться и нечего скрывать – у меня нет двойного дна.

... Червячок, а червячок! Вернись! Может, всё же ты не сдох, а очень глубоко запрятался? Мне тебя страшно не хватает. Без тебя жизнь не получается.

Если я все-таки уйду... Надо обязательно уничтожить бóльшую часть моих архивов – там столько позора! Почему бы не сделать это сейчас? А вот рука не поднимается. Дура рука! Но непременно в ближайшее время, когда будут силы, займусь всей этой фигнёй. А то дойдет до дела, потом стыда не оберешься. Ух, рвать придется столько бумаги – обалдеть! Почему у нас нет уничтожителя бумаг? Такая ценная вещь. Если ты бездарный писака, и сам это понимаешь. Накопила, идиотка. Жаль, что тогда не было компов: стёр – и привет. Зато в компах погибли по воле вредных компьютерных вирусов, а также по злой воле мстительного бывшего супруга вполне ценные «записки сумасшедшего»: наброски, планы, концепции, идейки интересные... Что ценно – погибло, бумажная дрянь – осталась. Нет на земле справедливости.

Я ничего не знала про брата

Всё пытаюсь вспомнить что-нибудь из нашей братско-сестринской жизни... В смысле – что-нибудь из отношений с братом. Ничего там нет в прошлом, никаких воспоминаний, никаких домашних сцен, разговоров за чайком, откровений, нежностей – ну, вообще ничего. Только его ленивое «Да пошла ты...» по всякому поводу. Впрочем, порой и без повода: «Пошла из этой комнаты!», «Пошла ты со своей музыкой!», «Пошла ты...». И так до бесконечности.

Зато помню, как он поступал в медицинский институт. Мне тогда было девять лет, стояло лето, мы с родителями жили на даче, а Сашка сдавал вступительные. Однажды утром...

Мама ещё не встала, ещё лежит в постели, лицо у нее несчастное, бледное. Папа стоит над нею, что-то говорит, тут подхожу проснувшаяся я. И вот мамочка выдает тихим голосом:

– Ну, ясно... Всё мне ясно... Если он сейчас не поступит, я просто кончусь... Это будет конец. Я не переживу.

– Не-е-ет! – диким голосом заорала я. – Нет, мамочка, нет! Почему, не надо, что же это! – и я начала рыдать... Помню, что сквозь рыдания слышала укоризненные слова папы, обращённые к маме:

– Ну, ты уж совсем... Ну, что ты такое несёшь?

Дальше не помню. Мой ужас оттого, что мама может умереть из-за провала Сашки, перешиб тогда, видимо, всё восприятие и заодно отшиб память.

День за днём после этого случая я ждала с ужасом результатов поступления брата в институт. Ведь любые мамины слова я воспринимала только всерьёз, буквально, тем более, что она всегда была отличной актрисой, и фраза «Я не переживу» говорила слабым, умирающим голосом, а лицо было совершенно больным и землистого цвета. Не знаю, кто больше всех радовался, когда Сашка поступил. Наверное, всё-таки я...

А всё же он и впрямь был молодец, умница: поступил в трудный 2-й Медицинский при диком конкурсе и совершенно самостоятельно, безо всяких там блатов или взяток.

Не зря мама всегда гордилась своим сыном. Она очень любила рассказывать:

– Когда Сашка родился, на него сбегался смотреть весь роддом: ресницы у него лежали до середины щёк. А когда он подрос, то его часто принимали за девочку, потому что такие глазки с такими ресничками просто не могли быть у парня, – и она счастливо так смеялась.

А я ничего не могу рассказать про брата, совсем ничего. Я его не знала. И про него ничего не знала. Потому что он этого вовсе не хотел. Закрытая была для меня система на кучу замков, засовов и паролей. Я иногда задаю себе вопрос: может, восемь лет разницы – это очень много? Но слишком часто вижу убедительные опровержения такой «утешительной» теории. Нет, не в возрастной разнице дело. А в отсутствии любви.

Двоемыслие как способ существования

Как любая девчонка, я любила, когда ко мне в гости приходили мои подружки: две Ленки, Таня, Наташа. Но больше всего радости мне доставляло, когда ко мне приходила моя Олечка. Мы с ней были очень близки во всех смыслах: отличницы, много читающие девочки, нам было о чём болтать на одном языке. Признаюсь честно: со всеми прочими девчонками я «исполняла долг»: надо было дружить, надо было поддерживать отношения, надо было быть в коллективе. Иначе съедят заживо. Этот закон я освоила в довольно раннем возрасте. Никогда в своей школьной компании я не была полностью собой, такой, какой мне хотелось быть, чтобы хотя бы говорить о том, что распирало, что по-настоящему болело, волновало. Моя жизнь, моя музыка, мои книги – отдельно, а школьная компашка с её интересами – отдельно.

Олечка – это другая история. С ней мы трепались о самом важном и, к примеру, самом для нас страшном.

– Ты знаешь, – Олечка округляла до невозможности свои и без того большие серые глазки. – Ведь КГБ может прослушивать всё, что говорится в квартире!

– Как? – в ужасе шептала я: в нашей квартире чего только не говорилось, господи...

– Через телефон! Даже если трубка лежит на месте, они могут слышать всё – техника такая.

В этом смысле я была запугана до жути, правда, не только и не столько Олечкой.

– Даже не вздумай рассказывать в школе то, что сейчас слышала, – напутствовала меня мама после большой диссидентской беседы за ужином, как всегда сопровождаемая назиданием «страшными» глазами.

– А что может быть? – меня прямо скрючивало от ужаса.

– Что, что! В тюрьму мы с отцом пойдём – вот что!

...И опять стучали мои зубы.

В школе все, ну абсолютно все дети травили политические анекдоты про Брежнева. Я всегда вежливо смеялась, но сама никогда, ни разу не рассказала ни одного, хотя знала их больше других.

– И правильно! – хвалила меня мама. – Мало ли что...

Иногда я всё-таки ляпала что-нибудь не то, типа «Сталин был настоящим убийцей!», а потом неслась домой, приседая каждую минуту от спазмов ужаса в животе, врвалась в квартиру почти с криком:

– Мамочка, а я вот сегодня такое сказала... А ничего не будет? Ничего?

Чаще всего меня успокаивали, но при этом говорили: «Всё-таки следи за языком-то». Да я следила, следила... Только иногда что-нибудь вырывалось из меня почти само по себе почему-то.

Помню одну любопытную сцену у нас дома, за столом с гостями. Мама, как это бывало часто, завела экстремально-политическую беседу. Эту тему друзья моих родителей, конечно, радостно подхватили, но очень быстро начали недоумённо поглядывать то на меня, то на маму... Потом кто-то не выдерживал и осторожно спросил:

– Галочка, зачем ты всё это при девочке-то?

– А что? – заносчиво вскинулась мама. – А что такого?

– Ну, зачем это ребёнку... Зачем ей это знать сейчас и что ей с этим делать?

– А я считаю: пусть знает! – гордо и по-ленински убеждённо отчеканила мама. – Пусть живёт не по лжи.

Я ею так гордилась! Да, конечно, все эти люди – трусы и лицемеры и делают из своих детей таких же, как они сами. Только так, как говорит моя мама, и надо, только так и правильно! Но... трудно очень. Очень трудно – мне... Двоемыслие в космическом масштабе да с раннего возраста – испытание для психики на уровне недоброго научного эксперимента с мышками: сколько, интересно, это маленькое животное ещё выдержит ударов электричеством по определенному участку мозга, пока не решит уже, наконец, повеситься на собственном хвостике в своей клеточке?

Но получилось так, что меня-то мама ого-го как научила жить «не по лжи»! Не в упрек родителям, но нельзя не сказать о том, что в молодости они были убеждёнными комсомольцами, а позже и коммунистами, мама, кажется, хронически во всех учебных заведениях была комсомольским вожаком и верила в Сталина, как потом стала верить в бога. Родители всю жизнь состояли в партии, и очень она, эта партия, им помогла в карьере, да и всякие подачки с «барского стола» у нас в доме водились. Для тех, кто понимает: книжный список, киношный абонемент, курорты от 4-го управления, от него же отличное медицинское обслуживание... Папа даже был секретарём партийной организации журнала, где он работал.

Я не упрекаю родителей в том, что они всем этим пользовались, нет, упаси бог! Тем более не сужу их, молодых, за веру в коммунизм. А партийные подачки... Что ж, надо было жить, выживать, растить детей... Но получилось так, что именно их дочь, полностью впитавшая мамино воспитание (вроде бы как), по крайней мере, верившая каждому сказанному мамочкой вслух слову и считавшая её непогрешимой во всём абсолютно, на полном серьёзе стала диссидентствовать уже класса с пятого и ушла, как было модно тогда выражаться, во внутреннюю эмиграцию. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я наотрез отказалась вступать в комсомол – исключительно из гигиенических соображений и внутреннего протеста против «жизни по лжи». Кто же больше всех на меня кричал по этому поводу? Мамочка моя.

– Тебе просто лень выучить этот чёртов устав! – орала она, как сейчас помню, однажды после ужина и очередной моей заявки, что в «эту банду юных коммунистов я не пойду». – Совсем уже обалдела? Чем ты лучше других?

– Я – хуже, – согласилась я мрачно. – Я всегда хуже. И всех хуже. Но проходить процедуру вступления в это г... не желаю.

– И дальше что? В дворники? – продолжала кричать мама.

– Пусть в дворники, – упрямо бубнила я. – Но в комсомол не пойду.

Наверное, это был мой первый бунт. Но, оказалось, успешный. Я не вступила в ряды ВЛКСМ (а это, между прочим, был 1979 год – расцвет советского маразма). Я тогда поссорилась с мамой. И никак не могла взять в толк...

Я никак не могла взять в толк, почему же в данном случае я ОПЯТЬ ПЛОХАЯ? Ведь я же поступаю честно. Морально. Нравственно. Согласно всем тем понятиям, которые вдалбливала в меня любимая мамочка с тех пор, как я себя помню.

– Я верю в доброе, нравственное начало в человеке, – говаривала она часто очень проникновенным, глубоким голосом, интонационно немного давя на каждое слово, как бы плотненько запихивая мне в голову эти самые начала. – Честность, честь, мораль... Без них человека быть не может. Без этого он – пустое место и безнравственный тип...

Ну, вот и я вроде как о «чести» пекусь, не желая вступать в... Нет, опять и снова неправой оказывалась я. Чего-то я не «ухватывала» в родительском воспитании, чего-то никак не могла понять. Не могла усвоить их представлений о морали и совести. Но всегда гнала от себя саму мысль, что это с ними что-то не так. Нет, конечно, нет! Не так было со мной.

Ах, да, чуть не забыла! Мама с папой вышли из партии: пошли в свои парторганизации и сдали билеты. Правда, сделали они это, если мне память не изменяет, в 91-м году, после сожжения Марком Захаровым своего партбилета в прямом эфире главного телеканала страны. В общем, делать это было уже совершенно безопасно...

Мизантропка

Хм, не была я, конечно, милым ребёнком – пушистым котёнком, тихим, нежным и послушным, как дрессированный пуделёк. Характерец я проявляла с детства – и упрямство, и вредность, хотя и не была вроде бы чудовищем: так, в пределах нормы... Ненавидела, когда меня понуждали что-либо делать – меня нужно было только просить. Ха-ха – это в нашей-то тоталитарной действительности, которая царила не только в школе, но и в лучших домах интеллигенции, да и в их головах, по правде говоря. А с чего бы, собственно, они, интеллигенты, были бы какими-то другими? Их самих с младенчества приучали к дисциплине методами ора, запугивания, подзатыльниками и прочими способами имени Макаренко и Сухомлинского. Какие же к ним могут быть претензии? Нормальные типажи коммунистической селекции. Таки создали нового человека!

Так вот, на всякий нажим извне я норовила ответить яростным противодействием, сопротивлением, но ежели таковое не было эффективным или даже представлялось опасным из-за серьёзной разницы в весовых категориях (а именно так и случалось почти всегда), то я просто мысленно уходила в глубокое подполье, а уж там главной была я! Там я страшно хамила обидчикам, даже распускала руки и вообще давала волю своему недоброму воображению. Внутри меня всё так и «клокотило»! Я скрипела зубами, сжимала кулачки и очень часто до сильной крови искусывала губы, прямо как партизанка на допросе у фашистов. Естественно, это вряд ли позитивно влияло на характер ребёнка с большим количеством тараканов в голове.

Иногда из меня просто «пёрло» что-то такое, даже не знаю, как это назвать... Мне просто надо было сказать какую-нибудь гадость, чтобы выплюнуть из себя накопившийся мусор загнанных вглубь негативных эмоций.

И вот я приходила в комнату родителей, садилась в кресло и с видом провокатора выдавала:

– Учителя все идиоты, а эта дурацкая химия вообще никому не нужна! – и смотрела на маму с папой нагленькими глазками, вздернув подбородок и справедливо ожидая кары.

– Боже! Что она несёт? Отец, что она несёт? – мама молитвенно сжимала руки на груди, глаза у неё становились огромными и ужасно несчастными. Папа молчал, как всегда, в лучшем случае пожимал плечами.

– Да! Я так считаю. Ненавижу химию. И программа идиотская, а химичка – дура последняя и...

– Прекрати! – кричала мама, глаза её были уже не несчастными, а очень и очень сердитыми. – Просто не моя дочь какая-то! Просто нелюдь! Такая ты... – ну, дальше шло описание меня – чудища болотного, человеконенавистника, потенциального убийцы и конченного человека.

– М-да, – резюмировал, наконец, папа. – Ты – страшный мизантроп. Просто ужасающий.

Я очень рано узнала значение понятия «мизантроп», потому как меня этим словом с малолетства часто называли родители, а я была девочка любопытная и со словарями дружила. Поэтому в очередной раз ничего нового про себя я не узнала. Зато ещё раз убедилась, что бедная мамочка легко ведётся на любые провокации и, если мне нужно поупражняться одновременно в садизме и мазохизме, то это легко прodelывается на раз-два.

А вот ведь забавно... Забавно и смешно, что моя дочь, выросшая в атмосфере свободы во всех смыслах, можно даже сказать – анархии, а также в обстановке домашнего абсолютного ненасилия, таки стащила из моего генома эту провокационную чёрточку характера. И когда-то давно, примерно в начальных классах, пыталась прodelывать похожие трюки со мной. Ха! Нашла с кем.

– Мам! – тёмные бровки сдвинуты, чернящие глаза полыхают, ноздри гневно раздуты. – Я ненавижу всякие стишки про природу всяких там русских поэтов! Я ненавижу нашу завучиху – она ведьма тупая! Я просто ненавижу...

– Да ради бога, – спокойно отвечаю я, наливая чай ей и себе. – Ты, главное, не волнуйся так. Раз ненавидится – ненавидь. Только если будешь так пучить глаза – лопнут, жаль, что из-за такой ерунды.

Ребёнок прыскает, я вместе с ней, и дальше идет нормальный домашний треп о том, о сём. Ни гнева, ни ненависти больше нет и в помине. Правда, уходя из кухни, девчонка снова пытается придать своему лицу злобное выражение:

– Нет, ну всё-таки эта завучиха...

– Я помню: тупая ведьма, – отвечаю я, хихикая. – Ну, и чёрт с ней в таком случае.

Дочь довольно «гукает» и мчится в свою комнату, напевая что-то из японских мультфильмов. На японском языке, между прочим...

Дочурка знает, с кем можно упражняться в этом генетически прилипшем к нам свойстве. С бабушкой, разумеется.

После дочкиных визитов в выходные дни к моим родителям, я всегда выслушивала по два раза одну и ту же историю, только в разных интерпретациях.

Мамина:

– Она меня просто убивает... Она заявила, что ненавидит Пушкина... И это – моя внучка? Что за чудовище растёт? Отец мне дважды капал валокордин...

Дочкина:

– Мам, они уже все меня достали с этим юбилеем Пушкина! В школе каждый божий день – ах, Пушкин, ах, Пушкин, ах, 200 лет! А тут ещё бабуля выдает: «Обязательно надо читать Пушкина! НАДА!!! Вот садись и читай «Барышню-крестьянку», я в твоём возрасте уже все повести Белкина перечитала...» Ну, я и ляпнула, что не буду его читать, потому что ненавижу...

Хех! Один раз доча мне тоже что-то такое выдала про свою ненависть к «нашему всему», а я непедagogично никак не отреагировала. Больше ничего такого ни разу не было. И причина тут простая: нет никакой ненависти! Не было, нет и не будет. И моя сегодня уже взрослая дочка

прекрасно понимает, что такое Пушкин. Просто никогда никого не надо бить по голове – даже великим поэтом. Ну, ей-богу, не стоит...

Одна из последних провокаций моей дочери вообще похлеще анекдота. Зная, что бабуля принципиальный и публичный пацифист и ненавидит любую армию любой страны в принципе как класс, дочь, в тот момент увлеченная американскими воинственными Зеной и Ларой Крофт, заявила в доме моих родителей:

– Я больше всего на свете мечтаю пойти в израильскую армию, носить форму и ходить по городу с автоматом!

По словам дочки, моя мама закатила глаза, страшно охнула, вскрикнула «Боже!!!», а потом закрыла лицо руками, как бы зарывав. В общем, получился дикий скандал. Начались крики, взывания ко всем классикам и современникам от Пушкина до Солженицына, мама распалилась и довела себя почти до экстаза, от чего ей, естественно, стало плохо, дедуля носился с валокордином и феназепамом, а дочь с интересом на всё это взирала: ребенок явно проводил какие-то свои эксперименты. Под занавес бабуля выдала тихим, умирающим голосом:

– Ты мне больше не внучка. Я отказываюсь от тебя.

По-моему, готовая сцена для комедийного фильма. Дарю любому, но только талантливому режиссеру. Бедная, бедная моя мамочка! Даже под старость она ни капельки... не поумнела.

Если говорить откровенно, не была я проблемным ребёнком никогда. Сроду не шлялась – ни по компаниям дворовым, ни с мальчиками, не курила, не пила, всегда вовремя была дома и на всё на свете испрашивала разрешения. Казалось бы, воплощённая мечта любых родителей... Ан нет.

Записки нездоровой женщины

Тот же день

Фотографии я, слава богу, в порядок привела. Я, конечно, тогда напрасно в нашей с бывшим мужем квартире наворотила дел с этими фотоальбомами... «Какие мелкие кусочки!» Ну, я была совсем не в себе. Фотки-то тут при чем! Жалко. Дура я. Но я помню, что спусковым крючком вспышки моей ярости была мамина фраза, переданная мне с помощью электронной почты о том, что она была бы рада, если бы моего Женю переехал какой-нибудь транспорт.

Ладно, что смогла, то спасла. Правда, теперь в фотоальбомах почти совсем нет родителей, бабушек-дедушек, дядей-тётъ. Впрочем, символично: семья развалена до основания, никто никого знать не хочет, всё – вдрызг, так и к чему лживые семейные идилии на картинках?

Хочу работать в салоне – навязчивая идея. Хочу быть красивой, приветливой, очаровательной, ухоженной администраторшей. Надо строить совсем другую, новую «карьеру» (это шутка). А не шутка то, что желаю работать совсем в иной сфере, совсем в ином качестве, среди абсолютно других людей. Хочу «невыразимой легкости бытия», которое непременно присутствует в такого рода заведениях. Да – толстая сука начальница, да – деньги-выручка, но это всё ерунда по сравнению с главным. Я – другая, я – в ином амплуа, может, из-за того, что будет «снаружи», нечто изменится и «внутри». Господи, дай мне физических сил для этого, ведь не для чего-нибудь прошу, для работы же!!! А-а, от тебя дождёшься...

Любимый скажет: что за круг общения, фи! Да хоть квадрат, хоть треугольник! Именно такая нужна мне геометрическая фигура, которая в силу своего низкого происхождения, не даст мне рефлексировать с утра до вечера, чем я занимаюсь последние лет... тридцать. Я поглупею? А если некоторая доля глупости, появившаяся в моей голове, будет ценой выздоровления? Я согласна, я готова, я – хочу.

Опять «не вижу» в сети дочь... Не выдержала – позвонила. Она, оказывается, в бильярдной, будет дома не раньше 11. С одной стороны – успокоилась, с другой – разволновалась:

холод-то собачий, да ещё этот фильм про насильников по телеку показали... Впрочем, теперь так будет всегда. Она выросла, я всё понимаю. Только ещё не привыкла.

На сегодня, пожалуй, всё. Скоро пойду спать. Спать, спать, спать...

6 февраля

Утро – вроде ничего себе... До нормы далеко, но по сравнению...

Тут же полезла в Инет – проверить, всё ли в порядке с ребёночком. Слава богу, ночью она была уже дома. И, оказывается, вчера она встречалась с отцом, они ели суши, и он её жутко смешил. Всё в порядке? Это хорошо, что у нее нормальные отношения с родным папой. Надо радоваться. Почему же мне немножко больно? Почему? Это неправильно. Конечно, неправильно. Чем больше анализирую, тем лучше это понимаю. Это в моих интересах, чтобы у них были хорошие отношения. Все правильно, все хорошо. Аутотренинг такой...

Милый мой, вроде, волком не смотрит, но мучает вопросами «хорошо ли мне с ним», точнее не так: он утверждает, что мне с ним плохо. Когда же он, умный, поймёт, что мне с собою плохо! А без него я просто жить не смогу, всего лишь...

Мои мелкие, ничтожные беды... Я сама чуточку шарахнула ноутбуком стену в спальне – дура безрукая да ещё и с плохим равновесием! Теперь на крашеной стене образовались «ранки», которые нужно заделать. Нужно!!! Вот не могу избавиться от своего перфекционизма в отношении дома: всякий беспорядок и поломки меня ужасно расстраивают. А тут сама, своими руками повредила, вот чёрт!

Зато скоро заруюсь в плед и буду пялиться в «ящик» – блаженное время.

Часто вспоминаю детство, точнее, какие-то моменты. Ощущаю их почти физически. Вот, к примеру, весна, каникулы. Солнце лупит вовсю, снег тает, всё кругом журчит, хочется поскорее скинуть с себя зимние хламы. Мы, девчонки, и скидываем. Надеваем туфли, легкие пальто. Ногам прохладно, если не сказать холодно. Шеи без шарфов мерзнут. Но мы упрямы – весна! И, как всегда, я организовываю поход в кино – в ДК «Правды» на какой-то сильно импортный фильм. Мы идем, хохочем, мы в предвкушении... Была ли я в тот момент счастлива? Да, была. Бывали моменты, когда мои всегдашние страхи отступали, и я, видимо, становилась на коротенькое время нормальным жизнерадостным подростком. Вот потому-то, наверное, и вспоминаются именно такие яркие картинки из детства: мгновения, когда мне было хорошо!

Вот мы играем у меня во дворе в вышибалы (это уж совсем весна, середина мая). Небольшой мяч звонко стучит об асфальт, играем мы, натурально, на проезжей части, где совсем нет машин. Играем громко, кокетливо, ибо за нами наблюдают старшие мальчишки... И однажды вечером один из них (боже, восьмиклассник!) подходит ко мне. И я немножко умираю от счастья... Хотя он совсем не знает, как начать разговор и полчаса мы оба тупо молчим. Но хорошо-то как!

Или дача: там тоже страхов хватало (очень трудно и драматично складывались мои отношения со сверстниками, не умела я это делать правильно, всё время пыталась вести себя и «как все», и в то же время быть вечным лидером, вожаком, главным, а так «низ-зя-я-я», вот и не получалось!), но разве мало было радостей и даже восторгов? Взять, к примеру, первые влюблённости (господи, сколько их у меня было, первых-то?)... Дачу вспоминаю только со слезами: это огромный кусок моей жизни, очень важный, иногда мрачный и пугающий, но, но, но... По крохам выковыриваю из своей памяти и складываю на специальную полочку в мозгу хорошие минутки и часы, пытаюсь убедить себя, что не так уж всё плохо было в детстве, в юности. Напрасные старания: всё перечеркивается тем, о чём я больше не могу и не хочу даже думать.

Дача моя, дачка. Тебя больше нет. Даже если бы тебя не продали, разве то, что там творилось последние годы, имеет хоть какое-то отношение к моему детству? Ни фи-га. Впрочем, уже на этой, другой даче выросла дочка. И тоже было много всякого – и хорошего, и ужасного.

Но воспоминания о моей лапочке-дочке «обеляют» абсолютно всё. Мое маленькое пушистое солнышко, котёнок мой мяучий, любовь ты моя ненаглядная... Помаша мне оттуда лапой. Из твоего детства. С дачи. Из прошлого.

Милый(?), слабый(!), добрый(?) папа

Мой папа... Любовь к нему была какой-то щемящей, с нежностью и даже жалостью. Помню эпизод из раннего детства. Мы завтракали. Папа пил кофе. И я вдруг сделала какое-то резкое движение, что-то пискнула, в общем, изобразила нечто якобы смешное. Папа в этот момент подносил чашку ко рту. Он сильно вздрогнул, охнул и пролил кофе на себя... У него был такой несчастный вид. Я хотела просто убить себя в ту минуту, так мне стало жалко его, до слёз! Такой он был трогательный, незащитный, в мокрой рубашке, растерянно вытирающий кофе с подбородка.

– Папочка! – я бросилась к нему на шею, зажмурилась и прижалась изо всех сил.

– Да ну что ты, ничего страшного, – пробормотал мой добрый папа.

У него всегда сильно дрожали руки – я заметила это ещё в раннем детстве. Из-за этого ему трудно давались всякие простые дела, вроде открывания бутылки, вскрытия консервной банки, завинчивания шурупа. Он старался, делал всё, как мог, но я видела, каких невероятных усилий это ему стоило.

Читая книгу или газету, он часто пальцем поправлял на носу свои всегда немодные, чуть сползающие очки, и всякий раз в этот момент мое сердце кусала жалость.

Да, у меня никогда не было сильного папы, папы-мужчины, папы, которым я могла бы гордиться, как девочка: вот, мол, какой у меня папа. В детстве мне несколько раз снился сон, что папа умер. Ох, как я рыдала во сне, просыпалась с мокрой физиономией. Вот про маму мне снилось другое... В снах мама была всегда немножко... страшной. Однажды она мне приснилась даже в образе ведьмы. Боже, утром я умирала от стыда за собственный сон, я никому о нём не рассказывала. Но на следующий день после той ночи я всё время как бы виновато заглаживала свою вину перед мамой. Как я могла, как посмела видеть такие сны!

А папа... Милый, слабый, добрый папа. Жаль, очень жаль, что он меня разлюбил. Жаль, что я стала его так раздражать. Ну, ничего, у меня к нему годам к шестнадцати тоже накопилась кучка претензий. Ох, накопилась...

Нет не буду об этом подробно... Это уж слишком, наверно... Но коротко – буду.

Духовность внутри. А снаружи?

Не понимаю, почему это было возможно, допустимо вести себя так, как будто мы, наша семья, только что из чёрной деревни приехали? Я имею в виду так называемую бытовую культуру... Почему родители носили эти драные байковые халаты и вечно порванные от рукавов книзу рубашки? Почему дома надо ходить перед взрослеющей дочерью в сатиновых трусах или жутких штанах с отвисшими коленками и задом? Я понимаю: «совок», дефицит всего на свете, а мы, интеллектуалы, не желали пользоваться спекулянтами и вообще заморачиваться поисками приличных шмоток, ибо это низко. Но почему, считая своим богом Чехова, который говорил о том, что «в человеке всё должно быть прекрасно», можно было так распускаться среди близких, на глазах взрослеющих детей, доводя порой меня до тошноты от вида самых родных мне людей... Почему?

– Пап, пожалуйста, не чеши пятку, – комок отвращения застревал у меня в горле, когда я слышала этот громкий и, надо сказать, занудливо долгий наждачный звук ногтей о голую, жёлтую, мозолистую пятку. Стоптаные, абсолютно драные тапочки чуть подвывают рядышком. Это мы все перед телевизором сидим.

– А в чём дело? – раздражался папа.

В чём дело? Ну, не могу же я сказать, что меня сейчас вырвет!

– Дочь, очень уж ты брезглива, – укоризненно качала головой мама.
Наверное, да. Есть у меня такой дефект. Причём, до сих пор.

Интересно, что в своих книжках мама живописала сию неприятную сторону жизни, бытовую нечистоплотность и «совковость» вот каким образом: она романтизировала все эти неэстетичные вещи, эти стоптанные вонючие тапки и рваные халаты, вложив высоченную якобы духовность в их обладателей и носителей. Существа женского пола в байковом дранье и с небритыми подмышками – душевно самые тонкие, умные и, разумеется, желанные для настоящих мужчин. И мужчины в стоптанных тапках и в растянутых «трениках» – самые верные и добрые на свете мужья. А «излишняя» чистоплотность, аккуратность и ухоженность отчего-то часто свойственны её отрицательным героям – бездуховным мещанам, аморальным людишкам. М-да... «Плюнуть таки хочется». Мам, а как же твой любимый классик с его «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей»? А?

Откуда я взялась такая чистюля и брезгуха – совершеннейшая загадка. Но всю жизнь, до встречи с моим любимым, я страдала от чьего-нибудь бытового свинства – то от родителей, то от первого мужа... Дранные халаты, несвежие трусы, дырявые тапки, грязные носки, невымытые ноги... Всю мою жизнь я наблюдала это! С родителями я страдала молча, на первого мужа орала, как базарная торговка (кстати, совершенно бесполезно – не действовало!) и думала опять и снова, что это со мной что-то не так, раз все остальные, близкие мне, спокойно живут и не замечают этого кошмара. Значит, не кошмар, что ли?..

Зато теперь я наслаждаюсь тем, что живу с человеком, к которому самый брезгливый на свете придира не сможет предъявить никаких претензий. И в этом смысле мы нашли друг друга, между прочим. Я наслаждаюсь... нормой. Я ею дышу! Я получаю удовольствие от человека, который рядом. И ни разу ещё не испытала чувства брезгливости: мой любимый повода не даёт. Господи, чему я радуюсь, если подумать? Вот, что значит большую часть жизни прожить со свинками...

Совсем немного пообщавшись с моим семейным «окружением», любимый сразу всё углядел и унюхал. А потом недоумённо разглядывал меня:

– Ты-то откуда такая взялась? Откуда в тебе всё это, чего быть и близко не должно?

– В семье не без урода, – смущённо хихикала я. – Но надо сказать, иногда бывало очень тяжко...

– Ещё бы, – грустно вздыхал он.

Напрасно я порой похваливаю себя-ребёнка, как умную и развитую девочку. Часто я бывала тупа, как сибирский валенок, и ненаблюдательна, как олигофрен. Так долго, почти до взрослости, не замечать очевидных и стыдных вещей...

Приходим в гости всей семьей, садимся за стол. Салаты, закуски, свежие овощи, нарезки... Ну, это ещё куда ни шло. Но когда подаётся мясо в виде, к примеру, антрекота или куски рыбы, то выясняется, что я не знаю, как с этим со всем обращаться. Позорище! Трудно поверить, но ни единого раза меня, девочку, никто не учил, как держать нож и вилку, как резать мясо, как обращаться с рыбой. Когда же дома, не дай бог, у нас была на ужин жареная рыба, я не ела, а пряталась в своей комнате, чтобы не видеть этого жуткого плеванья костей на тарелки, прилипших к щекам и подбородкам кусков рыбы и всё тех же рыбных скелетов... Бр-р-р-р!

Про «разные ножи для разных видов еды» я узнала, будучи уже взрослой. Ресторанов в нашей жизни сроду не было, появились они (да и то о-о-очень редко, не чаще раза в год), когда я была уже глубоко замужем и растила дочь. Это теперь я люблю выбирать рестораны в зависимости от их кухни и наличия в десертном меню крема-брюле.

Разбирает любопытство: когда мама с папой ездили, например, на курорты и питались в общественных местах, как они выглядели? Как реагировали на них окружающие? Проверить это лично не довелось: за всю жизнь родители взяли меня с собой в поездки всего дважды. Первый – в последнее дошкольное лето, в Одессу (тогда я ещё вообще не заморачивалась ника-

кими вилочно-ложечными проблемами, и это кстати, не правильно!). Второй раз мне было четырнадцать, и отдыхали мы в привилегированном доме отдыха в Сочи. Там я была занята исключительно своим неожиданным совершенно взрослым успехом у противоположного пола и тоже ни о чём таком не думала и ничего вокруг не замечала. А ведь наверняка за столом был позор. Задним числом – очень стыдно...

Кстати, любопытно: до тридцати лет я нигде не бывала, никуда не ездила, кроме как эти два раза в детстве на Чёрное море. И в этом смысле удивительным образом попадала в категорию детей из «неблагополучных» и бедных семей. Ведь дети «нашего круга» бывали с родителями, к примеру, в разных частях Прибалтики (любимый курорт интеллигенции) и регулярно на всяких «югах» – это было нормально. Мама с папой тоже нередко туда ездили, но без детей. Зато у меня была дача. Всё детство – у меня была дача...

А потом у меня был бедный муж, которому ничего такого не было нужно, а я уже ни к чему и сама не стремилась. Но зато у нас была дача. Может, лучше бы её никогда не было?...

Зато теперь я вижу мир. Боже, как он прекрасен, оказывается! У слепой дурочки открылись глаза, и она увидела свет. И выкрикнула, как полоумная, на всю вселенную пошлую банальность: мир надо видеть! Не в книгах, не на картинках, не по телевизору – глазами надо видеть, собственными! Нюхать, шупать, слушать, и только тогда можно лишь приблизиться к пониманию того, что такое этот мир, как он разнообразен и удивителен. Нет, мамочка, ты фатально ошибалась, утверждая, что знаешь весь свет и без поездок – через книги.

– Да я везде была – и в Риме, и в Мадриде, – любила ты часто повторять. – Я через книги чувствую запах других стран, городов... Я будто всё видела и всё знаю.

Ерунда это, мама, полная чушь. Ничего ты не знаешь и не видела. Именно всего лишь «будто». Потому-то у тебя такой узкий, зашоренный, убогий взгляд на весь мир, часто наивный и кособокий.

– В Америке самая развитая в мире демократия, поэтому там люди – счастливы. Но вся их культура выращена на гидропонике, поэтому такая поверхностная.

Ах, как всё просто, оказывается!

Ты же судишь о всей жизни по книгам и телевизионным передачам. Несчастное существо! Впрочем, в этом ты сама виновата: не хотела видеть мир, отбрыкивалась, как могла («Мне не надо, у меня нет сил, а зачем мне это нужно – я и так всё знаю...»). Чего боялась? Неужели ты боялась картины, которая может перевернуть все твои книжные, покрытые толстым слоем пыли, представления обо всём на свете? Похоже, что так. Или просто лень?

Вывод на кривых ножках

Когда моя девочка подросла, я была объята страхами за неё до полной паранойи, до дрожи, до паники, до бреда. Это было болезненно, явный перебор. Мне нужен был, как теперь политкорректно выражаются, психотерапевт, а прямо говоря – психиатр. Ведь была б тогда моя воля, я бы водила дочку на коротком поводке и стояла рядом даже во время её пребывания на унитазах. Всегда. Как часовой с ружьём. Лет, наверное, до десяти ей было запрещено одной входить в подъезд, пользоваться лифтом. От подходящих слишком близко на улице незнакомых людей ей было строго-настрого велено убегать без оглядки с криками «Караул! Помогите!» Я – параноик? Да. Даже спорить не буду. Но было кое-что в моей жизни, из-за чего, думаю, любая любящая мать сочтёт мою паранойю почти нормальной...

Жила я в детстве на Бутырке – тот ещё райончик. Не Гарлем, конечно, но близко... Если кто помнит 70-е годы: по вечерам улицы не освещены, фонарей с фонарями не найдёшь, дворы и подъезды темны, как южная ночь без звёзд, и никаких тебе домофонов и кодовых замков. И ещё странная вещь: тогда был, похоже, некий всплеск активности маньяков, эксгибиционистов и просто сексуально озабоченных не вполне здоровых мужиков. Помню, лет, наверное, с семи и недели не проходило, чтобы я не встретила в каком-нибудь углу, в подворотне, ну, в любом

укромном местечке, мужскую особь, вытащившую своё хозяйство и старательно дергающего его, глядя на девочек мутным взглядом.

Из музыкальной школы мне чаще всего приходилось возвращаться поздно – часов в семь-восемь, а бывало и почти в девять: как известно, осенью-зимой в Москве в это время уже ночь тёмная. Сначала я ехала домой в переполненном троллейбусе – час пик, усталый, злой народ толпами пытался добраться с постылой работы до своих «хрущобных» квартир. Транспорт ходил ужасающе, люди висели на ступеньках, двери почти не закрывались.

– Да пройдите же вы вперёд, суки!

– Некуда, козёл, проходить, увянь!

– Вашу мать, двери не закрываются...

– Машина не отправится, пока не закроются двери, – удивительно равнодушным, по-олимпийски спокойным голосом говорил водитель в микрофон.

Так и ехали – в тесноте и в обиде. И очень даже нередко ко мне пристраивался какой-нибудь выродок и начинал щупать мои ноги, норовя залезть под пальто. Будучи до ужаса закомплексованной, стыдливой и не готовой к таким вещам девочкой, вместо того, чтобы орать изо всех сил, драться и обращаться за помощью ко всем окружающим, я, сжав зубы, сдерживая слёзы ужаса и с выпрыгивающим, оглушительно стучащим сердцем, молча, как сапёр на разминировании, отчаянно протыривалась сквозь толпу, пытаясь «убежать»...

– Мам, – жалобно скулила я дома. – Опять меня щупали...

– Боже, какой кошмар! – всплескивала руками мама и горестно качала головой. Папа не реагировал вообще.

Каждый вечер после троллейбуса я с ужасом подходила к нашему двору, гадая: удастся мне проскочить до своего самого крайнего подъезда целой и невредимой и что меня ждёт в самом подъезде? Но ни разу домашние не вышли меня встречать, хоть я постоянно и говорила, что боюсь.

А однажды случился настоящий кошмар. Я возвращалась поздно, следом увязалась Рожа, которая зашла за мной в подъезд. Я знала, что нельзя заходить с «этим» в лифт и даже не стала подходить к нему, а сразу бросилась к лестнице (а ведь всё происходило практически в полной темноте – все лампочки были выбиты или вывернуты подчистую!). На втором этаже я поняла, что совершила трагическую ошибку: Рожа тоже пошла за мной на лестницу. Путь к отступлению был отрезан... Десять этажей я практически бежала. Когда я влетела на свой этаж и оказалась в тамбурном междверьи, Рожа набросилась на меня сзади... В тот раз я отбилась от него с помощью портфеля, он смог «всего лишь» обшупать меня всю. Я навсегда запомнила эти воспаленные красные глаза и противную белую, как мел, морду...

А ровно через неделю в собственном подъезде изнасиловали и убили мою одноклассницу. Ей было тринадцать лет.

Когда я ставлю себя на место своих родителей, то понимаю, что после всего этого не то что музыкалку отменила бы навеки, но постоянно встречала и провожала бы свою дочь вплоть до замужества, да еще снабдила бы её ножом или молотком каким-нибудь. Или любой ценой достала бы какой-нибудь газовый баллончик (не помню, появились они тогда уже в мире или нет).

Но в нашей семье отношение ко мне не изменилось. Никто не взволновался, не побежал в милицию, меня не инструктировали, как себя вести в подобных ситуациях, ничем не вооружили и уж тем более даже не подумали забрать из музыкальной школы, пусть хоть весь мир рухнет!

Вот и вывод приходит сам на кривых противных ножках: меня не любили. Если у кого-нибудь есть иное объяснение, готова его выслушать. Но его не может быть. Потому что любовь в данном случае диктует единственно возможный вариант поведения, всё остальное – бред, ложь, дегенеративная тупость. Дегенератами мои родители не были. Помню, как мама плакала

из-за убитой девочки из моего класса... Всегда, когда я уходила из дома, она мне говорила: «Будь осторожна». «Конечно», – отвечала я. И ни разу в жизни я не заставила любимую маму психовать: если задерживалась, то всегда звонила, каждую минуту помнила, что нельзя волновать мамочку – у неё может подняться давление. Поэтому и от подруг трезвонила, и «двушки» у меня в карманах не переводились – а вдруг я пойму посредине улицы, что задерживаюсь? Надо же сразу звонить – маму успокаивать.

А теперь думаю: не зря ли я так заботилась обо всём этом? Так ли уж беспокоилась моя мамочка из-за меня, как декларировала это вслух? Тёмными зимними вечерами, когда я пробиралась домой мелкими перебежками, с оглядкой и, порой, с трудом избегая беды, дома в этот момент никто и не думал волноваться: папа с мамой всегда, когда я приходила, спокойно смотрели телевизор...

Кстати, в так почитаемой моими родителями Америке, равно как и во многих других цивилизованных странах, есть весьма жёсткие законы по поводу того, до какого возраста и до которого часа дети не могут без сопровождения взрослых даже появляться на улице. Уже только поэтому моих родителей, если бы мы жили, скажем, в славном городе Нью-Йорке, могли бы привлечь к ответственности. А уж в ситуации «оставления ребёнка в опасности», то есть не реагирования на мои жалобы об угрозе моему здоровью и жизни, они могли бы схлопотать реальный тюремный срок. Впрочем, если бы подобное наказание грозило матери в СССР, думаю, она решила бы поначалу просто-напросто ежедневно сопровождать меня туда-обратно в музыкальную школу. И таким образом, уверена, эта пытка для меня очень быстро закончилась бы вообще: ну, не стала бы мама так себя мучить! Но маме с папой повезло: в нашей стране не было и, увы, по сей день нет таких правильных законов. На радость нерадивым родителям.

Миф недопроявленной любви

Недавно в какой-то телепередаче умная дама-психолог высказала такую мысль: «Никакая любовь не подразумевается, тем более – любовь к детям. Любовь нужно проявлять всякими способами». И в который уже раз я поразились точности такой простой, как мычание, мысли! Да, конечно, нужно проявлять, ёлки-палки! Просто так целовать, обнимать, заботиться каждую минуту, бежать на помощь сразу же, как только это понадобилось... Тем более – к ребёнку. Тогда и только тогда он растёт спокойным, весёлым, уверенным, что он – не один, что на его стороне всегда самые родные, самые близкие люди – его любимые мама и папа. Это дарит ему силы для жизни, для преодоления всех трудностей взросления, это гарантирует ему покой и даже здоровье. Я вспомнила, как говорила дочке с её малолетства: я всегда твой верный солдатик! Господи, надеюсь, что поступала по отношению к ней так, как нужно – с первого её дня до сегодняшнего! Вроде бы да...

Но вот, что меня смущает... Если надо себя заставлять «проявлять» любовь, то любовь ли это? По-моему, «активно любить» для любящего так же естественно, как дышать! И никаких усилий не требуется. Даже более того: это же доставляет удовольствие! Лишний раз приласкать, тысячный раз сказать «Как же я тебя люблю!», всё время быть готовой прийти на помощь и встать на защиту, совершенно не выносить боли любимого существа... А как, собственно, подругому? Я даже не понимаю... Нет, совершенно не могу ни представить, ни понять.

Золотые слова: любовь не подразумевается. Любовь проявляется. От себя добавляю: иначе это не любовь.

Сколько себя помню, почитание мамы было для меня естественно, как дыхание. Думаю, это во многом заслуга самой мамы с её талантом вбивать в голову всё, что угодно, тому, кто интеллектуально слабее. Ребёнок по определению в этом смысле не в равной весовой категории со взрослым... Так вот, от мамы я слышала с коляски лекции на тему «Мать – понятие святое».

– Для меня качество человека определяется его отношением к матери. Это – лакмусовая бумажка. Какая бы мать ни была – она мать. Её надо любить, жалеть, заботиться о ней. Что бы ни случилось.

Очень удобная для каких угодно матерей теория воспитания ребёнка. К тому же общепринятая, что тоже весьма кстати. Маме удалось создать в моем представлении некое подобие божественной личности, когда речь шла о матери как таковой, а уж моя была богиней богинь на этом Олимпе.

Не могу сказать, что родители подавали мне пример поклонения своим матерям... Они жили от своих родителей очень далеко, навещали их редко, да и вспоминали нечасто. Я бабушек почти не знала, не представляла себе, как они живут. Родители не «докучали» мне рассказами о своих мамах и папах.

Помню, как однажды, в моём глубоком детстве, мы ждали в гости бабушку с Украины... Мама очень волновалась и накануне приезда бабушки побежала в магазин покупать новое постельное бельё: наше было всё драное-предраное! Бабушка такие вещи страх как не любила, и мама боялась её гнева. А вот почтение и почитание... Не знаю, не замечала. Может, я просто такая ненаблюдательная? Но и в редких маминих рассказах о своём детстве особого поклонения её матери я тоже не помню. Скорее, нормальное, здоровое, критическое отношение.

Но от меня мама хотела другого, и уж, конечно, никакой критики отношения, никакого анализа, даже когда я стала взрослой. Упаси бог! И преуспела, добилась своего. Мама, а трудно быть богом? Или от этого ловится неземной кайф?

Журналист – это звучит гадко

Годы шли, я выросла, существование моё все тускнело и тускнело красками. Картинка моей жизни конца 70-х – чёрно-белая, точнее – коричнево-чёрно-серая. Других красок не помню. Тошнотворный страх сопровождал меня с утра до вечера. Я боялась всего: оценок, контрольных, учителей, директора школы, строгих врачей, шумных сверстников, тёмных улиц, мужчин, а, главное – маминого осуждения и гнева. Чувство вины, ощущение, что я хронически неправа во всём и всегда отравляю мою жизнь наравне со страхом.

Несмотря на то, что я по-прежнему была одной из лучших учениц в классе, я пребывала в убеждении, что я хуже всех в мире, учусь недостаточно хорошо, что голова у меня работает как-то неправильно (вот с математикой бывают проблемы!); что я не способная ни к чему полезному для людей и конкретно – для моих родителей; что у меня нет определенной цели в жизни, я не мечтаю о высоком – получить высшее образование в лучшем институте страны, например, или снискать славу выдающейся личности хотя бы в пределах города Москвы...

– Жизнь – ужасна, – слышала я часто мамини причитания. – В этой стране всё бессмысленно и бесцельно. Всё обречено на корню...

Мне же при этом она говорила так:

– Надо стремиться получить образование, а, главное – диплом, надо жить, как все нормальные люди...

– А... зачем? – изумлённо спрашивала я, окончательно запутавшись: ведь всё обречено и бесцельно. Какая разница – с дипломом или без?

– Как – зачем? – мама округляла глаза, ее брови возмущенно ползли вверх. Но на конкретный вопрос не отвечала. И я оставалась одна в полном своём подростковом недоумении.

Папа уговаривал меня «думать как следует» о факультете журналистики МГУ.

– Это та специальность, где я могу реально тебе помочь, – объяснял он бестолковой дочери.

Журфак? Это то место, где готовят людей, в кругу которых, я выросла? Журналистика – это та профессия, где «всё время надо лгать и изворачиваться», где «этот проклятый первый отдел зарубает на корню все качественные материалы», где «невозможно реализовать,

поэтому все таланты спиваются и умирают в среднем на семь лет раньше представителей других профессий» (я цитирую то, что запомнила из полупьяных разговоров родителей и их друзей, вернее, малую толику этого)? А еще газеты и журналы – это «партийная геббельсовщина», «министерства лжи», возглавляемые «продажными шлюхами главными редакторами»... Я не хочу!!!

– Не хочу! – почти кричала я.

– Да почему!?! – возмущенно кричали родители.

– Потому! – чуть не со слезами отвечала я и убежала в свою комнату. Ну, как им объяснить? Я же именно от них бесконечно слышала об этой профессии сплошные гадости. Даже радость творчества ими никогда не упоминалась. Да и сама мама ушла из журналистики в «чистое» творчество и была этим счастлива (насколько она вообще могла быть счастлива). – Ненавижу советскую журналистику! В гробу я её видала.

Мама часто повторяла, как молитву, стараясь, конечно, ради меня:

– Ты способная, ты очень умная, у тебя всё получится! Ты сможешь поступить куда угодно. Только поставь себе цель.

Поздно уже было, мамочка, поздно. Слова о том, что я «умная-способная» воспринимались мною как шумовой фон, шуршание шин по асфальту, стук дождя по крыше в конце августа на даче, музыкальная заставка программы «Время» в 21.00. Я искренне в это не верила и, как мне казалось, весьма трезво оценивала себя, свой ум и способности: очень ниже среднего. Иногда я поражалась: как мне ловко удалось всех обмануть и заставить думать, что я – практически отличница (три-четыре «четвёрки» всего за год), очень развитая и начитанная девочка. Я даже тихонько хихикала: ба-ба-ба, как я вас провела! Какие глупые и доверчивые люди... Ведь на самом деле я – ноль без палочки. Не дай бог, проверит кто-нибудь по-настоящему...

Больше всего на свете мне хотелось спрятаться где-нибудь в тёплой норе от этой бесцельной и беспросветной коричнево-чёрно-серой жизни. Где бессмысленно что-либо делать, чего-либо хотеть, где у мамы всегда страдальческое лицо. Где надо бояться экзаменов, КГБ и всё время делать что-то, от чего тебя тошнит. Ну, например, таскаться каждый день в музыкалку или непременно вступать в комсомол. Впрочем, от последнего я отбилась... Но больше меня ни на что не хватало. Сил не было на борьбу за право ЖИТЬ, а не страдать вместе... с мамой. Точнее, как мама, но по-другому. Страдайте с нами, страдайте, как мы, страдайте лучше нас!

Меня начали мучить помимо тошноты ещё и головные боли; донимали потные ладони, руки тряслись почти как у папы. Я часто плохо себя чувствовала, быстро от всего уставала, при этом отвратительно спала. А поликлиника у меня была что надо – от 4-го Управления как-никак! И вот при очередной диспансеризации, когда мне было четырнадцать лет, доктора заметили у меня слишком высокое давление. Между прочим, забили тревогу: боялись «проворонить» детей каких-никаких, но начальников.

Обследовали меня, как положено: и щитовидку, и почки. Все было ОК. Пришли к любимому диагнозу совковой медицины – вегето-сосудистая дистония по гипертоническому типу. И неважно, что такой болезни нигде больше в мире не существует, подумаешь! У советских собственная гордость и собственные болезни.

Но, но, но... Всё-таки 4-е Управление. Беспokoило докторов высокое давление девочки из восьмого класса. И однажды у нас дома раздался звонок. Трубку взяла мама.

– Алло! Да, слушаю... Да, знаю... И что – вы считаете, что нужно обследование в больнице? Ну, хорошо... Ладно, договорились... – мама повесила трубку и пожала плечами. – Говорят, что твою дистонию надо дообследовать в больнице... Странно. А что им неясно? Только сейчас там нет мест, когда освободится, они позвонят и тебя госпитализируют, – я просто помертвела. Больница! Ужас какой! – И всё-таки я не понимаю, что им неясно? – добавила мама.

Действительно, что им, болванам, неясно? Вот моей же маме всё ясно, как солнечный день: дистония, высокое давление, у неё тоже есть такая проблема, а у кого нынче нет? Таблеточки надо принимать, следить за этим – и всё. Все её знакомые умные люди с «верхним» образованием говорили, что подростки эти болячки перерастают. Или «израстают» – откуда они только брали это дурацкое словечко? Мама была согласна с такими мудрыми и, безусловно, знающими людьми. Какая больница, зачем?

Поэтому, когда через месяц нам сообщили, что есть койко-место, мама уже созрела для отказа:

– Нет, мы решили, что это ни к чему. Не надо нас госпитализировать.

Как я была благодарна маме! Как счастлива, что меня не положат в эту гадкую, ужасную больницу (а какой же ещё она может быть?). Спасибо, мамочка!

...С тех пор я болела и болела. Болезнь цвела, взрослела, наполнялась соками, становилась все более изощрённой и сильной, проявляла себя разными своими гранями, как бы подсовывая мне всё время под нос кукиши: а это видела? А так пробовала? А что скажешь, ежели я тебе вот так да эдак? А получи-ка ещё вот сюда! Но в моей медицинской карточке была припечатана на все случаи всё та же «вегето-сосудистая». От которой не лечат, потому что нет такой болезни...

Тогда же моя «внутренняя эмиграция» распространилась на отношения с друзьями, сверстниками. Я уже не так стремилась быть в гуще событий, как в детстве, старалась уходить от шумных компаний, становилась всё менее открытой и откровенной. Даже с любимой своей Олечкой... Уголок, где мой тихий, тёплый, желательно тёмный уголок?

Сегодня диагноз мне поставлен, причины ясны, даже ясно, как лечить, но потеряно страшно много времени. Фатально много... Поэтому вряд ли я излечусь когда-нибудь окончательно. А таблетками могу завтракать, обедать и ужинать и можно без хлеба, ибо их очень, очень много.

Записки нездоровой женщины

Тот же день

Счастье рождения доченьки (мы назвали ее Алисой), счастье, боже, какое это счастье! Но на это счастье накладывается ужас её болезни, моя послеродовая депрессия, страх, страх, страх.

Мамочки, что я наделала! Сунула в посудомойку грязную посуду к чистой... Пришлось включить быструю программу и всё вместе помыть – только бы до мужа успеть!

Вот как человек не понимает, что когда он так надолго немотивированно задерживается, я реально начинаю сходить с ума! Сколько раз он высмеивал меня за это. Не верит? Или придуривается? Или ему нравится, когда я психую из-за него? Я могу позвонить. Я, конечно, в конце концов, позвоню. И он будет злиться или будет холодно-равнодушен. И это больно. Как он не понимает? Действительно, не верит, что я люблю его? Или у него душевное «фа» западает? Господи, где его носит?

Позвонила. Так и есть: холодная насмешливость. Я, конечно, успокоилась, но обидно... Он никогда не поймёт. Я же всегда до одури психовала за близких. Как можно с этим не считаться? Наверное, он никогда так ни за кого не боялся. Счастливый человек.

Вот думаю: а зачем, собственно, я стала вести этот дневник? Чтобы объяснить что-то себе, в смысле, понять что-то для себя или... Может, бог даст, для собственных воспоминаний когда-нибудь. Или для других, когда меня не будет. А кому это может быть интересно, кроме психиатра? Ну, мужу, наверное. Возможно, Алисе. Ну, и достаточно.

Клонит в сон... Это от тепла и сытости. Мне сейчас, в принципе, спокойно, только очень раздражает, что опять вырубился Интернет. Конечно, всё ясно – деньги кончились, но очень не вовремя: Алиса на связи.

Мужа всё ещё нет. А придёт – опять будет насмешничать. Это не радует. Почему всё так меняется? Я до сих пор храню его одну утреннюю записку нашего самого «начала» со словами о том, что он коротает, как может, время до встречи со мной, то есть, когда я проснусь, что он скучает ужасно и т.д. и т.п. Надо её сейчас опять взять почитать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.